ВЕЧЕРИНКА УЧЕНЫХЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. М. Н. Загоскина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1820.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ВЕЧЕРИНКА УЧЕНЫХЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. М. Н. Загоскина.

Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ на Маломъ Театрѣ, Ноября 12 дня, 1817 года, въ пользу Актера г. Боброва.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Императорскихъ Театровъ,
1820.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Особенную Канцелярію Министерства Внутреннихъ дѣлъ сей Комедіи пять экземпляровъ, для препровожденія оныхъ по силѣ узаконенія куда слѣдуетъ. Санктпетербургъ, 23 Іюля, 1820 года.

Секретарь по Цензурной части

Василій Соцъ.

ВЕЧЕРИНКА УЧЕНЫХЪ,

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Госпожа Радугина, вдова	*Г-жа Ежова.*
Софья, меньшая сестра ея - - - -	*Г-жа Валберхова.*
Волгинъ, братъ ихъ -	*Г. Бобровъ.*
Князь Вечеславинъ -	*Г. Сосницкій.*
Болеславской, влюбленный въ Софью - -	*Г. Брянскій.*
Шмелевъ, журналистъ	*Г. Рамазановъ.*
Сластилкинъ } литераторы.	*Г. Величкинъ.*
Дребедневъ } литераторы.	*Г. Поляковъ.*
Снѣгинъ } литераторы.	*Г. Боченковъ.*
Саша, горнишная Софьи	*Г-жа Асенкова.*
Слуга Радугиной.	

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Г-жи Радугиной.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья *сидитъ за работою,* Саша *стоитъ подлѣ нее.*

Софья, *за работою.*

Сашинька, что дѣлаетъ сестрица?

Саша.

Пишетъ, сударыня.

Софья.

Вѣрно оканчиваетъ свою драму. — Ну еслибъ братецъ зналъ, что у насъ дѣлается?

Саша.

Сохрани Боже! онъ поднялъ бы такой шумъ и крикъ, что хоть изъ дому бѣги.

Софья.

Еслибъ онъ увидѣлъ эту толпу безграмотныхъ сочинителей, эти ученыя собранія, надъ которыми весь городъ смѣется.... О! я увѣрена, лишь только дойдутъ до него слухи, онъ тотчасъ прискачетъ изъ своей деревни....

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Волгинъ.

Софья, *вскочивъ со стула.*

Ахъ, братецъ! это вы?...

Волгинъ, *съ сердитымъ видомъ.*

Здорово, Софья, здорово! Дома ли сестра?

Саша.

Дома, сударь.

Софья.

Какъ это вамъ вздумалось къ намъ въ Москву пріѣхать?

Волгинъ.

Да по милости Г-жи Радугиной, любезной сестрицы нашей. До меня дошли прекрасные слухи! прекрасные слухи!

Софья.

Что такое?

Волгинъ.

Что? стыдокъ, да и только!

Софья.

Но скажите мнѣ....

Волгинъ.

Хороши вы, сударыня! Весь городъ надъ вами смѣется.

Софья.

Что это значитъ?

Волгинъ.

А вотъ что: я живу себѣ преспокойно въ своей деревнишкѣ, не зная ничего, что у васъ дѣлается, какъ вдругъ на послѣдней почтѣ получаю письмо отъ пріятеля моего Угрюмова; развертываю.... читаю.... Вотъ оно, прочти сама. (*Отдаетъ письмо Софьѣ*).

Софья, *читаетъ.*

„Любезный другъ! поспѣши пріѣхать „къ намъ въ Москву. Старшая сестра „твоя, Г-жа Радугина, сошла съ ума, или

„весьма близка къ этому; она помѣшалась
„на учености: сдѣлала изъ своего дома
„академію, набрала себѣ кучу рифмачей;
„завела какіе-то литературные вечера,
„на которыхъ порютъ такую дичь, что
„уши вянутъ; учится по урокамъ красно-
„рѣчію и поэзіи; сама пишетъ стихи, со-
„чиняетъ драмы, и даже, слухъ носится,
„намѣрена выдавать журналъ.“

Волгинъ.

А! какъ тебѣ кажется? Выдавать журналъ! волосы стали у меня дыбомъ! Сестра моя пишетъ драмы! хочетъ выдавать журналъ! Ахъ, Боже мой! да съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Волгины, этакаго срама не было въ нашей фамиліи! — Я бросилъ все, взялъ почтовыхъ и прискакалъ сюда.

Софья.

Къ несчастію, все это справедливо; но что намѣрены вы сдѣлать?

Волгинъ.

Что? я скажу ей, что она сдѣлалась посмѣшищемъ цѣлаго свѣта.

Софья.

Она вамъ не повѣритъ.

Волгинъ.

Что она срамитъ свою фамилію.

Софья.

Она вамъ докажетъ противное.

Волгинъ.

Представлю ей самыя убѣдительныя причины.

Софья.

Она не будетъ ихъ слушать.

*

Волгинъ.

Стану просить, уговаривать, начну кричать.... чортъ возьми! разругаюсь съ нею.

Софья.

А если и это не поможетъ?

Волгинъ.

То.... то.... схвачу ея дурацкіе стихи, глупыя драмы, журналы, выброшу ихъ за окошко и ускачу опять въ свою подмосковную.

Софья.

Только-то? Немного же вы сдѣлаете добраго.

Волгинъ.

Нѣтъ, нѣтъ! прежде выдамъ тебя замужъ, а потомъ уже поѣду въ свою деревню; пускай она проказитъ себѣ одна сколько ей угодно.

Софья.

Вы хотите отдать меня замужъ?

Волгинъ.

Да, да, вѣдь Болеславской изъ плѣну возвратился, — онъ здѣсь.

Софья.

Здѣсь!

Волгинъ.

Чтожъ ты испугалась?

Софья.

Здѣсь! какое счастіе! Но, братецъ, я не знаю, будетъ ли согласна сестра моя.

Волгинъ.

Почему же нѣтъ?

Софья.

Сестрица хочетъ выдать меня за Князя Вечеславина; вы знаете, сначала всѣ считали Болеславскаго убитымъ.

Волгинъ.

Вздоръ! была бы только твоя охота, а то мы обойдемся и безъ ея согласія.

Софья.

Вы забыли, братецъ, батюшка, умирая, завѣщалъ въ своей духовной, что не могу выйти замужъ безъ согласія старшей сестры моей; въ противномъ же случаѣ лишусь всѣхъ правъ на законную часть изъ его имѣнія.

Волгинъ.

Правда твоя! эта статья въ духовной покойнаго батюшки много намъ хлопотъ надѣлаетъ. — Но скажи мнѣ, что это за Вечеславинъ; ужъ не авторъ ли онъ?

Саша.

Нѣтъ, сударь, не то, чтобы авторъ, а пуще всякаго автора! онъ.... какъ бишь ихъ называютъ, сударыня? вотъ эти господа-то ученые.... ни то, ни сё.

Софья.

Литераторъ, или любитель словесности.

Волгинъ.

А! знаю, знаю! Вотъ эти-то, что все судятъ, да рядятъ, все бранятъ, да ругаютъ, а сами не умѣютъ ничего написать путнаго.

Софья.

Точно такъ, братецъ.

Волгинъ.

И сестра хочетъ тебя за него выдать? Пустое! дай мнѣ только поговорить съ нею, и мы увидимъ....

Софья.

Вы все испортите; я знаю васъ: сперва вы станете ее уговаривать, потомъ разгорячитесь, начнете кричать; она также разсердится, и кончите тѣмъ, что вы съ нею поссоритесь, а мнѣ не сдѣлаете ни какой пользы.

Волгинъ.

Чтожъ буду я дѣлать?

Софья.

Не говорить ни слова, а предоставьте это мнѣ. Сестра моя жила здѣсь, когда Болеславской познакомился въ деревнѣ съ батюшкой, слѣдовательно знаетъ его только по наслышкѣ; представьте его подъ чужимъ именемъ, какъ человѣка съ большими способностями къ поэзiи.

Волгинъ.

Ну, а если она потребуетъ отъ него стиховъ?

Софья.

Тѣмъ лучше: Болеславской сочиняетъ очень не дурно; я увѣрена, что онъ ей понравится, и тогда намъ не трудно будетъ выманить ея согласiе.

Волгинъ.

Но за чѣмъ же онъ долженъ принять чужое имя.

Софья.

Для того, что сестра моя очень предубѣждена противъ Болеславскаго, и не захочетъ, можетъ быть, принять его.

Волгинъ.

Ну, ну, быть такъ; я объ этомъ не скажу ни слова. Да гдѣ же она? *(Хочетъ уйти)*.

Софья.

Въ своемъ кабинетѣ. Извольте подождать, сударь, она занимается теперь сочиненіемъ, и Боже сохрани! ежели кто вздумаетъ ей помѣшать.

Волгинъ.

Такъ и быть, сердись она или нѣтъ, а я ей помѣшаю.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Софья и Саша.

Софья.

Ахъ, Сашинька! Болеславской здѣсь!

Саша.

Да, сударыня.

Софья.

Такъ ли онъ меня любитъ, какъ прежде?

Саша.

Почему же вы сомнѣваетесь?

Софья.

Мущины такъ непостоянны.

Саша.

Неужели вы думаете, сударыня?...

Софья.

Легко быть можетъ, что прежняя его страсть осталась только въ одномъ воображеніи.

Саша.

Но также легко быть можетъ, что вы и ошибаетесь.

Софья.

И для того-то я желала бы испытать, справедливы ли мои подозрѣнія.

Саша.

Къ чему это? Вѣдь онъ пріѣхалъ сюда на васъ жениться; какихъ же надобно вамъ еще доказательствъ?

Софья.

Можетъ быть Болеславской дѣлаетъ это для того только, чтобъ выполнить свое обѣщаніе, какъ честной человѣкъ; онъ не могъ поступить иначе, а этаго еще для меня не довольно.

Саша.

Ну, сударыня, еслибъ всѣ невѣсты были такъ разборчивы, то куда бы много было пожилыхъ дѣвушекъ.

Софья, *размысливъ.*

Да, точно такъ! я приму его холодно, буду показывать совершенное равнодушіе.

Саша.

Что вы затѣваете, сударыня?

Софья.

Если онъ меня любитъ, какъ прежде, то холодность моя приведетъ его въ отчаяніе; онъ станетъ осыпать меня упреками.

Саша.

А если онъ не будетъ ни кричать, ни сходить съ ума.

Софья.

То подозрѣнія мои оправдаются, и я избавлюсь отъ несчастія принадлежать

человѣку, который женится на мнѣ изъ одной обязанности.

С а ш а.

Ну, сударыня, воля ваша, только мнѣ очень не нравится это испытаніе, и еслибъ вы послушались моего совѣта....

С о ф ь я.

Нѣтъ, я рѣшилась; не знаю только, буду ли я въ состояніи, увидѣвши его, скрыть свою радость.

С а ш а.

О! въ этомъ я не сомнѣваюсь; нѣтъ женщины, которая, желая испытать любовника, не съиграла бы мастерски свою ролю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Т ѣ ж е и С л у г а.

С л у г а.

Письмо отъ Князя Вечеславина.

С о ф ь я.

Подай сюда. (*Беретъ письмо; слуга уходитъ*). Оно не запечатано. (*Читаетъ*). „Вамъ угодно было имѣть стихи мои, „которые буду читать сего дня на вашемъ вечерѣ: выполняю приказаніе ваше. „Вы можете показать прекрасной Софьѣ „эту бездѣлку; но я желалъ бы, чтобъ авторъ остался для нее неизвѣстнымъ до „тѣхъ поръ, пока самъ не прочитаетъ „ихъ.“ — Что это значитъ?

Саша, *взглянувъ на подпись.*

Да это письмо къ Г-жѣ Радугиной.

Софья.

А! въ самомъ дѣлѣ. (*Развертываетъ и глядитъ*). Стихи, Рускіе стихи! Ну! Князь не на шутку желаетъ угодить моей сестрицѣ. (*Читаетъ*). „Къ моей любезной." Ахъ! это напоминаетъ мнѣ стихи, которые Болеславской сочинилъ разставаясь со мною.

Саша.

Вы помните ихъ наизусть, сударыня.

Софья.

Какъ не знать ихъ наизусть! Каждое слово дышешъ въ нихъ истиннымъ чувствомъ, пламенной любовью!....

(*Говоритъ съ чувствомъ*).

Гонимый гнѣвною судьбою
Я дни лишь горестьми считалъ,
Наскуча свѣтомъ и собою
Одной отрады въ смерти ждалъ;
Но вдругъ, какъ сонцемъ озарилась
Унылая душа моя,
Надежда въ сердцѣ водворилась —
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

Саша.

Я слышу голосъ вашей сестрицы; сложите скорѣй письмо, сударыня; неравно еще она разсердится, что вы читаете ея переписку съ Княземъ.

Софья, *складываетъ письмо и кладетъ его на столъ.*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, Волгинъ и Радугина.

Радугина.

Ну, мой милой! какъ я рада, что ты пріѣхалъ.

Волгинъ.

Да мнѣ-то нечего радоваться, сестра.

Радугина.

По чему же, мой другъ? здѣсь такъ весело. Я безъ тебя надѣлала кучу новаго знакомства.

Волгинъ.

И чай все съ учеными?

Радугина.

Да, братецъ! Вотъ, напримѣръ, сего дня вечеромъ ты увидишь у меня такое собраніе ученыхъ, какого тебѣ никогда не удавалось видѣть.

Волгинъ.

Въ этомъ я увѣренъ.

Радугина.

Нынче у меня чтеніе: Журналистъ Шмелевъ будетъ читать рецензію на новую піэсу; Змѣйкинъ эпиграму на ту же піэсу; Тиранкинъ свою двадцать восьмую комедію; Князь будетъ читать.... но нѣтъ, это я еще на вѣрно не знаю. — Послушай, мой милой, тебѣ надобно непремѣнно познакомиться съ Княземъ.

Волгинъ.

Сестра! я совѣтовалъ бы тебѣ....

Радугина.

Онъ человѣкъ знатной, важной фамиліи; а ужъ ученъ..... ученъ....

Волгинъ.

Вѣрю; но послушай....

Радугина.

Подлинно ужъ надобно удивляться!... чего онъ не знаетъ?... По Нѣмецки, по Гречески, кажется и по Латынѣ; а о Французскомъ и говорить нечего.

Волгинъ.

Вѣрю, сударыня.

Радугина.

Ну, вѣришь ли Богу! и всѣми этими языками онъ говоритъ лучше, чѣмъ по Руски.

Волгинъ.

Согласенъ; но....

Радугина.

А науки-то чтоль? Литтературу, словесность, поэзію, стихотворство....

Волгинъ.

Не спорю.

Радугина.

Психологію, Хронологію, Географію, Землеописаніе....

Волгинъ.

Вѣрю, матушка!

Радугина.

Эстетику, Статистику....

Волгинъ.

Вѣрю, сударыня, вѣрю, вѣрю! да что мнѣ до этаго за нужда?

Радугина.

Что за нужда! А знаешь ли ты, что онъ сватается за Сонюшку?

Волгинъ.

Тѣмъ хуже для него.

Радугина.

А по чему бы такъ, батюшка братецъ?

Волгинъ.

А потому, матушка сестрица, что у Софьи есть и безъ него женихъ.

Радугина.

Кто бы это, сударь?

Волгинъ.

Болеславской, сударыня.

Радугина.

Болеславской!

Волгинъ.

Да, Болеславской; вить онъ не убитъ, а былъ только въ плѣну.

Радугина.

Не убитъ! А какое мнѣ до этаго дѣло? — вотъ что забавно, не убитъ!

Волгинъ.

Ты себѣ что ни говори, а Сонюшка за нимъ будетъ.

Радугина.

Нѣтъ, сударь, нѣтъ!—Не убитъ! вольно же было ему воскреснуть; я ему уже эпитафію сочинила, и теперь не хочу знать, что онъ живъ.

Софья, *тихо Волгину.*

Братецъ, вы обѣщались....

Волгинъ.

Хорошо, хорошо, объ этомъ послѣ. Теперь скажи-ка мнѣ, что это тебѣ вздумалось подъ старость-то въ ученость удариться?

Радугина.

Отъ того, сударь, что не хочу быть такою невѣждою, какъ ты; отъ того, что люблю литературу; отъ того.... отъ того, что во мнѣ скрывались такія способности, о которыхъ ты не имѣешь даже и понятія.

Волгинъ.

Сестра! побойся Бога! ну гдѣ видано, чтобъ въ человѣкѣ талантъ открывался на 52 мъ году.

Радугина.

Экое варварское сужденіе! — Да знаешь ли ты, что Руссо, Жанъ-Жакъ Руссо! началъ писать на сороковомъ году?... а!... а сколько написалъ онъ книгъ?

Волгинъ.

Ну, посуди сама, не курамъ ли это на смѣхъ, старшая ты мнѣ сестра, а вздумала сдѣлаться школьницею.

Радугина.

Да что же тутъ дурнаго?

Волгинъ.

Похоже ли это на дѣло, учиться подъ старость грамотѣ!

Радугина.

Не грамотѣ, а Рускому языку; я хочу знать въ совершенствѣ языкъ, на которомъ сочиняю.

Волгинъ.

Ну, пускай бы учились по Руски наши барышни и молодыя барыни, это дѣло! Не мѣшало бы имъ умѣть хотя молитвы читать на своемъ языкѣ; но тебѣ, матушка, не стыдно ли въ твои лѣта сидѣть за указкою.

Радугина.

А тебѣ, батюшка, не стыдно ли въ твои лѣта не знать своего языка. Сидѣть за указкою! развѣ это по Руски? за указкою! — Съ указкою, сударь, съ указкою!

Волгинъ.

Такъ, или нѣтъ, только пора тебѣ сестра образумиться.

Радугина.

Видишь ли теперь, для чего я учусь? Ну вотъ, на примѣръ, ты никакъ мнѣ не докажешь, по чему можно сказать съ указкою, а не льзя сказать за указкою.

Волгинъ.

Охота же тебѣ изъ пустова въ порожнее переливать?

Радугина.

Попробуй, докажи.

Волгинъ.

И матушка!

Радугина.

Увидимъ, увидимъ, какъ ты докажешь.

Волгинъ.

Вѣрю, сударыня, что ты великая грамотѣйка, да что....

Радугина.

Сашинька!

Саша.

Чего изволите?

Радугина.

Я пристыжу тебя, братецъ; Саша бываетъ при моихъ урокахъ, и вѣрно тебѣ докажетъ.

Саша.

Я, сударыня, я? да я ничего не знаю.

Радугина.

Вздоръ! какъ не знаешь? Говори сей часъ.

Саша.

Ну вотъ изволите видѣть: указка имя прилагательное, предлогъ за.... за.... предлогъ, союзъ, мѣстоимѣніе.... предлогъ .... Право, сударыня, я ничего не помню.

Радугина.

Прошу покорно, какая дура! такой бездѣлицы не можетъ доказать. — Слушай братецъ.

Волгинъ, *отодвигаясь съ досадою отъ нее.*

Увольте, мнѣ становится ужъ скучно.

Радугина.

Я не отстану отъ тебя, пока не докажу. Предлогъ за....

Волгинъ, *Софьѣ.*

Что намъ съ ней дѣлать?

Радугина.

Предлогъ за — означаетъ, первое: движеніе назадъ; на примѣръ: стать за стулъ, стать за дверь.

Волгинъ.

Помилосердуй!...

Радугина.

Второе: положеніе на зади, какъ то: стоять за стуломъ, сидѣть за столомъ.

Волгинъ.

Тьфу пропасть!

Радугина.

Но поелику за указкою не льзя ни стоять, ни сидѣть, то слѣдственно....

Волгинъ, *Софьѣ.*

Сестра! часто ли на нее находитъ?

Радугина.

То слѣдственно и надобно говорить съ указкою, а не за указкою: ибо можно, прошу замѣтить это, можно....

Волгинъ.

Да кой чортъ далась тебѣ эта указка!

Радугина.

Сидѣть, находиться, быть, пребывать съ указкою....

Волгинъ, *съ сердцемъ.*

А не льзя быть, находиться, пребывать съ ученою дурою, которая изъ ума выжила!

Радугина.

Прекрасно! да ты уже и бранишься?

Волгинъ.

Ты выведешь хоть кого изъ терпѣнія.

Радугина.

Впрочемъ не безпокойся, я не разсержусь: ибо имѣю довольно философіи, чтобъ презирать ничтожныя ругательства.

Волгинъ.

Не о философіи рѣчь. Эй, сестра! право сойдешь съ ума: выкинь эту дурь изъ головы.

Радугина.

Что ты, братецъ! напротивъ, я хочу, чтобъ и ты не хуже меня зналъ словесность.

Волгинъ, *тихо Софьѣ.*

Попытаюсь, не удастсяль мнѣ ее усовѣстить. *(Громко).* Сестра! позволь мнѣ откровенно сказать тебѣ всю правду?

Радугина.

Изволь, братецъ! Послушаемъ, что ты скажешь. *(Садится).*

Волгинъ.

Женщина была ты всегда умная; подумай хорошенько, на что походитъ твой образъ жизни? Завела ты знакомство съ этой литературной челядью? ну, ужъ такъ бы и быть; но ты сама пустилась съ ними въ запуски смѣшить честныхъ людей; перестала заниматься хозяйствомъ; имѣніе твое разстроилось; прикащики стали тебя обманывать, раззорять бѣдныхъ крестьянъ, и все это отъ того, что барыня, вмѣсто того, чтобъ заниматься ими, учится краснорѣчію и сочиняетъ драмы.

Радугина.

Хорошо, хорошо! — далѣе.

Волгинъ.

Теперь скажи, какая будетъ польза отъ твоего ученія? Не думаешь ли ты, что приятели твои говорятъ правду? что у тебя въ самомъ дѣлѣ есть дарованія? Эхъ, матушка! повѣрь, они смѣются надъ тобою. Ну какъ не сказать, что ты женщина съ талантомъ — у тебя прекрасной поваръ, хорошія вины; попробуй, раздай имъ свое имѣніе, такъ они скажутъ, что ты и звѣзды съ неба хватаешь!

Радугина.

Не дурно, продолжай.

Волгинъ.

Подумай сама, матушка, на что это похоже, хочешь ты выдавать журналъ? женское ли это дѣло? — Ну если ужъ у тебя такая смертная охота марать бумагу, то писала бы для одной себя; а то, — долго ли до грѣха? распубликуютъ тебя въ газе-

тахъ, начнутъ писать на тебя стихи, ты войдешъ въ пословицу у журналистовъ; да что и говорить? ты чай и сама знаешь; попадись только въ руки этимъ зубоскаламъ, такъ они тебя со свѣта сживутъ.

Радугина, *встаетъ*.

Ну, мой милой, я слушала тебя со вниманіемъ, и къ удовольствію моему, должна сказать....

Волгинъ.

Что я говорю правду. (*Софьѣ*). Слава Богу! она не совсѣмъ еще помѣшалась.

Радугина.

Должна сказать, что въ тебѣ таится много природнаго краснорѣчія.

Волгинъ, *съ удовольствіемъ*.

То-то же, а кажется я человѣкъ неученый.

Радугина.

И для того я совѣтую тебѣ поучиться вмѣстѣ со мною діалектикѣ.

Волгинъ.

Какъ!

Радугина.

Да, мой другъ! Истинно будетъ жаль, если такой талантъ, какой примѣчаю я въ тебѣ, пропадетъ даромъ.

Волгинъ.

Сестра!

Радугина.

Если ты этимъ займешься, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, то можешь быть со временемъ отличнымъ прозаистомъ.

Волгинъ.

Вотъ тебѣ на! а я думалъ, что ее усовѣстилъ.

Радугина.

Послушай, мой милой! останься здѣсь; Сластилкинъ, мой учитель логики и поэзіи, сей часъ будетъ, и ты сего дня же можешь взять первый урокъ.

Волгинъ.

Прощай, сестра!

(*Хочетъ уйти*).

Радугина.

Куда же ты спѣшишь? Погоди немного.

Волгинъ.

Я у тебя буду обѣдать. Прощай!

Радугина.

Останься пожалуста, Сластилкинъ сей часъ будетъ.

Волгинъ.

Чтобъ ему сквозь землю провалиться со всею этою сволочью, которая вскружила тебѣ голову! Прощай!

Радугина.

За что же ты сердишься? Я желаю тебѣ добра; хочу, чтобъ твой талантъ не пропадалъ даромъ.

Волгинъ.

Да тьфу дьявольщина! какія ты нашла у меня таланты? Слушай, сестра, пусти меня, а не то я наговорю много лишняго. Прощай Софья! (*Уходя*). Экое сумазбродство! экое сумазбродство!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, *безъ* Волгина.

Радугина.

Что, Сонюшка, каковъ нашъ братецъ? Ну, гдѣ видано такое упрямство, такое закоренѣлое невѣжество?

Софья.

Да и вы, сестрица, хотите человѣка насильно сдѣлать ученымъ.

Радугина.

Да что же дѣлать, мой другъ? примѣчаешь въ родномъ братѣ дарованія, хочешь ему дать способъ образовать ихъ, выйти изъ неизвѣстности, а онъ же за это сердится!

Софья.

Я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось? Со мною говорилъ онъ совсѣмъ другое: нимало не сердился, что вы сочиняете, и даже сказалъ, что намѣренъ привести къ вамъ одного пріятеля, который пишетъ стихи, и очень удачно.

Радугина.

Неужели! Какъ бы это было хорошо! нынче у насъ чтеніе; онъ также бы что нибудь прочелъ. Вѣдь братъ привезетъ его сего дня?

Софья.

Я думаю.

Саша, *подавая письмо.*

Къ вамъ, сударыня, принесли это письмо.

Радугина.

Ко мнѣ? А! знаю, знаю! (*Читаетъ про себя*).

Саша, *тихо Софьѣ.*

Сестрица не замѣтила, что вы его читали.

Софья.

Тѣмъ лучше.

Радугина, *въ сторону.*

Князь хочетъ остаться до нынѣшняго вечера неизвѣстнымъ. Такъ и быть, надобно его потѣшить! — Сонюшка! посмотри, какіе я получила стихи отъ какого-то неизвѣстнаго.

Софья.

Отъ неизвѣстнаго?

Радугина.

Да, отъ неизвѣстнаго, котораго мы узнаемъ не прежде, какъ нынѣшнимъ вечеромъ. Возьми-ка, прочти ихъ.
(*Подаетъ ей стихи*).

Софья, *начинаетъ читать.*

„Къ моей любезной!

Гонимый гнѣвною судьбою,
Я дни лишь горестьми считалъ;
Наскуча свѣтомъ и собою,
Одной отрады въ смерти ждалъ.

(*Въ сторону*).
Что это значитъ?

Радугина.

Ты нынче очень дурно читаешь.

Софья.

Стихи такъ мѣлко, такъ связно написаны. (*Продолжаетъ читать запинаясь*).

Но вдругъ какъ солнцемъ озарилась
Унылая душа моя;
Надежда въ сердцѣ водворилась,
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

(*Въ сторону*).

Точно такъ! эти стихи Болеславскаго! Какъ попались они Князю?

Радугина, *вырываетъ у нее стихи.*

Подай сюда! ты до завтрева не кончишь. Да гдѣ же мои очки? (*Ищетъ очки*).

Софья, *тихо.*

Надобно употребить это въ мою пользу. Точно такъ! пресчастливая мысль!...

Радугина.

А! на силу отъискала! (*Надѣваетъ очки*). Второй куплетъ! Гмъ! гмъ! (*Читаетъ*).

Что жизнь безъ страсти сердцу милой?
Печальный къ смерти переходъ;
На что не взглянешь, все постыло,
Все къ горестямъ лишь насъ ведетъ.

Каково?

Софья.

Прекрасно!

Радугина, *продолжаетъ читать.*

Когда же къ чувствамъ прикоснется
Хоть искра страстнаго огня,
Тогда, мой другъ! лишь жизнь начнется,
Тогда и началась моя."

Ну, что скажешь, милая?

Софья.

Я въ восхищенiи!

Радугина, *съ важнымъ видомъ.*

Стихи конечно очень не дурны; но они слишкомъ просты, слишкомъ ясны;

я желала бы въ нихъ больше чувства, больше возвышенности въ слогѣ.

Софья.

Вы слишкомъ строги, сестрица; стихи прекрасны!

Радугина.

О! я не спорю въ этомъ!

Софья.

Они плѣнили меня!

Радугина.

Очень рада, что они тебѣ нравятся.

Софья.

Какія чувства! каждой стихъ, каждое слово трогаетъ душу!

Радугина.

Неужели? Не правда ли, Сонюшка, что сочинитель этихъ стиховъ долженъ быть очень любезенъ?

Софья.

Я съ вами согласна.

Радугина.

Что трудно не любить человѣка, который изъясняется такимъ плѣнительнымъ образомъ?

Софья.

Вы правы, и признаюсь вамъ, я первая не могла бы видѣть равнодушно того неизвѣстнаго, котораго стихи.... Ахъ, сестрица! можетъ ли что быть обворожительнѣе этихъ стиховъ?

Радугина, *въ сторону.*

Прекрасно! (*Громко*). Послушай, милая, по чему знать, можетъ быть неизвѣстный знаетъ тебя...,любитъ....

Софья.

Что вы говорите? Какая мысль! если онъ меня любитъ....

Радугина.

Если онъ предложитъ тебѣ свою руку?...

Софья.

То.... но я не скажу теперь ничего. Я знаю только, что кто бы онъ ни былъ, я не могу не любить его, и скажу вамъ откровенно: мнѣ кажется, что одинъ только сочинитель этихъ стиховъ, одинъ онъ можетъ замѣнить для меня Болеславскаго и получить мою руку, если я рѣшусь когда нибудь отдать ее.

Радугина, *въ сторону.*

Что я слышу! Я очень рада, милая, что ты умѣешь цѣнить таланты, что поэзія имѣетъ на тебя такое вліяніе....

Софья.

Мы узнаемъ нынѣшнимъ вечеромъ!....

Радугина.

Кто неизвѣстный? да, милая! (*Въ сторону*). Какъ я рада!—Гдѣ ты Князь? чувствуешь ли ты свое благополучіе?

Софья, *въ сторону.*

Если не ошибаюсь, хитрость моя удастся.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже, и Шмелевъ.

Радугина.

А! любезный журналистъ!

Софья.

Здравствуйте Г-нъ Шмелевъ.

Шмелевъ.

Я думалъ найти здѣсь Князя; онъ сказалъ мнѣ, что будетъ сего дня у васъ обѣдать.

Радугина.

Теперь еще рано. — Не видали ли вы Г-на Сластилкина? я нынче цѣлое утро не могу его дождаться.... Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже, и Сластилкинъ.

Радугина.

Гдѣ вы до сихъ поръ были Г-нъ Поэтъ?

Сластилкинъ.

Виноватъ! я немного позамѣшкался.

Шмелевъ.

Вѣрно Г-нъ Сластилкинъ идя къ вамъ, погрузился въ мечтанія, прошелъ въ другую сторону, и очнулся только за заставою.

Сластилкинъ.

Извините, я не мечталъ, а восхищался!

Софья.

Восхищались?

Сластилкинъ.

Да, сударыня! я любовался великолѣпною природою.

Радугина.

Да гдѣ же вы были?

Сластилкинъ.

На бульварѣ, сударыня.

Шмелевъ.

Какое живое воображеніе! Вы видите великолѣпную природу тамъ, гдѣ видны однѣ обстриженныя липки и трехъ-этажные дома.

Сластилкинъ.

Природа!—вездѣ природа!

Радугина.

Люблю за это милаго Сластилкина! то-то ужъ подлинно піитическое воображеніе! У него безпрестанно природа, да ручеечки; лѣсочки, да тихіе зефиры.

Софья.

Съ такимъ пламеннымъ воображеніемъ, вы, я думаю, не зябнете и въ крещенскіе морозы.

Шмелевъ.

О, сударыня! есть случаи, въ которыхъ самое пламенное воображеніе не разогрѣетъ. Вотъ, на примѣръ, мнѣ сказывали, что на этихъ дняхъ Г-нъ Сластилкинъ дѣлалъ сантиментальную прогулку за городомъ.

Сластилкинъ.

Г. Шмелевъ! я знаю вашу остроту, но увольте.

Шмелевъ.

Позвольте разсказать это плачевное приключеніе: Г-нъ Сластилкинъ, восхищаясь природою, отъ излишняго энтузіазма сошелъ съ большой дороги въ сторону....

Сластилкинъ, *съ досадою.*

Господинъ Шмелевъ!

Шмелевъ.

Не чувствуя ничего отъ сердечныхъ восторговъ, онъ зашелъ въ болото, увязъ

по поясъ. Немилосердая мать натура нахмурилась, окропила его проливнымъ дождемъ, и господинъ Сластилкинъ, не смотря на душевные свои экстазы, возвратился чуть живъ домой.

Сластилкинъ, *въ сторону.*

Негодной насмѣшникъ!

Софья.

Г-нъ Сластилкинъ, неужели это трагическое приключеніе справедливо?

Сластилкинъ.

Г-нъ Шмелевъ умѣетъ придавать всему такой видъ....

Радугина.

Ужъ это правда! попадись только ему въ передѣлъ: разбранить ли какое сочиненіе, разругать ли какого автора....

Шмелевъ.

Я не ругаю, сударыня, а критикую.

Софья

Разумѣется, одно дурное.

Шмелевъ.

Да, смотря по обстоятельствамъ.

Софья.

Какъ, сударь! такъ вы иногда и хорошее произведеніе браните?

Шмелевъ.

Иногда необходимость бываетъ закономъ, сударыня.

Софья.

Ну, какъ можно критиковать то, что хорошо.

Шмелевъ.

О, сударыня! ничего нѣтъ легче! Стоитъ только изъ книги выписать всѣ дурныя

мѣста, а умолчать о хорошихъ, — такъ дѣло и сдѣлано.

Радугина.

Правда, что и говорить, правда!

Софья.

Я не могу опомниться отъ удивленія. Вы великій человѣкъ, Г-нъ Шмелевъ! Неблагодарное отечество! и такіе таланты остаются безъ награды!

Сластилкинъ, *значительно.*

Не всегда; иногда ихъ и награждаютъ. Спросите у Г-на Шмелева, сударыня.

Шмелевъ.

Что вы подъ этимъ разумѣете?

Сластилкинъ.

Ничего, совершенно ничего! Я слышалъ только мимоходомъ, что Г. Вспышкинъ, на котораго вы написали подобную рецензію, обошелся съ вами не очень вѣжливо.

Шмелевъ.

Не правда, сударь; я съ нимъ никогда не ссорился!

Сластилкинъ.

Да онъ, говорятъ, немного поссорился съ вами.

Шмелевъ.

Клевета, сударь; я знакомъ съ нимъ на пріятельской ногѣ; онъ очень хорошій человѣкъ. (*Радугиной*). Но, сударыня, вы дожидались Г-на Сластилкина, чтобъ взять урокъ. Время проходитъ.

Радугина.

Но Князь будетъ сюда скоро, и если я уйду въ свой кабинетъ....

Шмелевъ.

Не безпокойтесь, я приму его.

Радугина.

Сдѣлайте милость, вы попросите его ко мнѣ. — Пойдемте Г-нъ учитель. Сонюшка, ты любишь быть при моихъ урокахъ.

Софья.

Да, сестрица, это иногда меня забавляетъ.

Радугина.

Пойдемте же. (*Идетъ и ворочается къ Шмелеву*). Какіе я получила нынче стихи! вы ихъ у слышите, услышите!

(*Уходитъ съ прочими*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Шмелевъ, *одинъ*.

Стихи!.... а! это вѣрно тѣ, которые Князь по моей милости называетъ своими. Какъ я умно сдѣлалъ, что не напечаталъ въ своемъ журналѣ, когда получилъ ихъ изъ арміи отъ какого-то Болеславскаго; теперь они мнѣ пригодились. Я слышалъ, что этотъ Болеславской убитъ, слѣдственно, по праву наслѣдства, я могъ присвоить ихъ себѣ и услужить Князю.

ЯВЛЕНІЕ X.

Шмелевъ и Князь.

Князь, *подходитъ тихо къ Шмелеву и бьетъ его по плечу.*

Здравствуйте mon cher Шмелевъ!

Шмелевъ.

Ахъ, это вы, Князь!

Князь.

Что дѣлаетъ наша Сафо?

Шмелевъ.

Госпожа Радугина? Она теперь въ своемъ кабинетѣ слушаетъ лекціи о краснорѣчіи; она препоручила мнѣ васъ здѣсь дождаться и просить къ себѣ.

Князь.

Для того, чтобъ душить меня нѣсколько часовъ своими несносными стихами.

Шмелевъ.

Можетъ быть.

Князь.

Я не могу забыть вчерашняго дня. Ахъ! мнѣ кажется, что я слышу и теперь еще эти варварскія рифмы!

Шмелевъ.

Подлинно, надобно имѣть Ангельское терпѣніе.

Князь.

Пять часовъ сряду слушать глупости.

Шмелевъ.

И безпрестанно хвалить ихъ.

Князь.

Восхищаться вслухъ, зѣвать украдкою.

Шмелевъ.

И умирая отъ скуки, говорить, что очень весело.

Князь.

Должно быть такъ влюблену, какъ я, чтобъ рѣшиться каждой день выдерживать такую пытку. Нѣтъ, этотъ тиранизмъ становится несносенъ; нынче же я постараюсь все кончить. — Кстати, я еще не благодарилъ васъ за стихи, которые вы мнѣ доставили.

Шмелевъ.

Я очень радъ, что могъ услужить вамъ этой бездѣлкой.

Князь.

Надѣюсь, это останется между нами.

Шмелевъ.

Вы обижаете меня, Князь! такое сомнѣніе....

Князь.

Очень простительно. Стихи станутъ хвалить, авторское самолюбіе заставитъ васъ признаться двумъ, тремъ пріятелямъ, и....

Шмелевъ.

Положитесь на мою скромность....

Князь.

A propos! знаете ли вы, Честоновъ напечаталъ собраніе своихъ сочиненій?

Шмелевъ.

Знаю, Князь.

Князь.

А знаете ли вы, что его мнѣніе на счетъ литературы?...

Шмелевъ.

Совершенно противное вашему; очень знаю!

Князь.

Что же вы скажете о его сочиненіяхъ?

Шмелевъ.

Какъ можно болѣе дурнова.

Князь.

Очень хорошо!

Шмелевъ.

Я скажу, что его проза....

Князь.

Наполнена ошибками, жестка, шероховата.

Шмелевъ.

Что стихи его....

Князь.

Преплоскіе! что во всѣхъ его твореніяхъ виденъ дурной вкусъ, невѣжество; стихи не имѣютъ никакого колориту, никакой силы; они такъ просты, такъ обыкновенны; въ нихъ нѣтъ этихъ быстрыхъ порывовъ генія, этихъ....этихъ.... однимъ словомъ они ни куда не годятся.

Шмелевъ.

Все такъ, Князь; но чтобъ доказать это, надобно было сдѣлать выписку, найти дурное.

Князь.

И вы безъ сомнѣнія нашли.

Шмелевъ.

И да, и нѣтъ; въ первомъ томѣ, на одномъ мѣстѣ, вмѣсто предлога поставленъ союзъ.

Князь.

Хорошо! вы намѣкнете, что Честоновъ худо учился синтаксису.

Шмелевъ.

Точно такъ. Въ третьемъ томѣ, я замѣтилъ лишнюю запятую и.... и двоеточіе не на своемъ мѣстѣ.

Князь.

Прекрасно! прекрасно! вы можете сказать, что авторъ не знаетъ правописанія.

Шмелевъ.

Конечно, и хотя очень замѣтно, что это типографическія ошибки....

Князь.

Какая вамъ до того нужда! Развѣ вы обязаны отгадывать, кто ошибся, наборщикъ или сочинитель?

Шмелевъ.

Со всѣмъ тѣмъ не знаю, меня какъ будто совѣсть зазираетъ.

Князь.

Вы шутите!

Шмелевъ.

Но, Князь, безпристрастіе....

Князь.

Безпристрастіе! вотъ еще забавная добродѣтель для журналиста! Откуда вы выкопали это безпристрастіе? Желалъ бы я знать, какъ вы согласите ваше безпристрастіе съ обязанностями литератора, который имѣетъ свои партіи,

связи; своихъ протекторовъ и неприятелей ?

Шмелевъ.

Такъ и быть! я пренебрегу всѣми, чтобъ выполнить вашу волю: для васъ, Князь, я готовъ все сдѣлать.

Князь.

Съ моей стороны я могу увѣрить васъ въ своемъ покровительствѣ. Продолжайте быть всегда таковыми, и увѣряю васъ, вы сдѣлаете свою дорогу.

Шмелевъ, *кланяясь.*

О, Ваше Сіятельство! я очень чувствую.

Князь.

Пойдемте, любезный Шмелевъ, къ хозяйкѣ: она, я думаю, насъ дожидается.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

САША, *одна.*

Всѣ добрые люди давно уже отъобѣдали; а барыня все еще читаетъ свою драму. Ну, видно она хочетъ сего дня совсѣмъ доконать своихъ гостей. Каково имъ бѣдненькимъ сидѣть два часа сряду, какъ куколкамъ, не смѣть ни чихнуть, ни кашлянуть; я и служанка, а не захотѣла бы ни за что быть на ихъ мѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

САША, ВОЛГИНЪ и БОЛЕСЛАВСКОЙ.

ВОЛГИНЪ.

Сестра моя дома?

САША.

Дома, сударь. (*Болеславскому*). Ахъ! здравствуйте, сударь. Какъ же я рада, мы опять васъ видимъ! Да вы ни крошечку не перемѣнились, Г-нъ Болеславской?

ВОЛГИНЪ.

Тсъ! тише! онъ теперь не Болеславской. Поди, скажи сестрѣ, что я привезъ къ ней пріятеля своего Людмилова.

Саша.

Барыня изволитъ теперь читать свои сочиненія, я не смѣю ей доложить, а побѣгу сказать барышнѣ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Волгинъ и Болеславской.

Болеславской.

И такъ вы увѣрены, что Софья любитъ меня по прежнему?

Волгинъ.

Эхъ, братецъ! какъ наладилъ одно, да одно! Вѣдь ты разъ двадцать объ этомъ спрашивалъ.

Болеславской.

Вы ни одного раза не отвѣчали мнѣ удовлетворительнымъ образомъ.

Волгинъ.

Ну, да что ты хочешь, чтобъ я сказалъ? Кажется рада-то она тебѣ рада, а любитъ ли, какъ прежде, не знаю; вѣдь, въ душу-то, братъ, никому не взойдешь.

Болеславской.

Три года разлуки, разсѣянная жизнь, слухъ о моей смерти,—сколько причинъ, чтобъ мнѣ опасаться!

Волгинъ.

Полно, братецъ! къ чему заранѣе себя тревожить? Ты ее увидишь, переговоришь съ нею, и можетъ быть найдешь, что она ни крошечки не перемѣнилась.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Софья и Саша.

Саша, *тихо Софьѣ.*

Какъ, сударыня! вы хотите непремѣнно?...

Софья.

Испытать Болеславскаго;—непремѣнно!

Волгинъ, *увидя Софью.*

А! сестра! рекомендую тебѣ моего приятеля Людмилова.

Болеславской, *бросается къ ней.*

Софья!

Софья, *отступая на задъ, присѣдаетъ.*

Здравствуйте, сударь.

Волгинъ.

Ха! ха! ха! она тебя не узнала. Сонюшка! вѣдь это Болеславской.

Софья.

Я вижу, братецъ; Г-нъ Болеславской совсѣмъ не перемѣнился.

Волгинъ.

Вотъ тебѣ-на! да ты, кажется, не очень обрадовалась?

Софья.

Извините, я очень рада.... Вы, братецъ, вѣрно у насъ обѣдаете?

Болеславской, *тихо Волгину.*

Ну, сударь, подозрѣнія мои несправедливы?

Волгинъ.

Она вѣрно меня стыдится. (*Софьѣ*). Софья! я пойду къ сестрѣ послушать ея стиховъ, а ты останься съ Болеславскимъ; вамъ вѣрно есть о чемъ переговорить между собою.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, *безъ* Волгина.

Болеславской.

Какое счастіе! я опять васъ вижу, сударыня!....

Софья.

Я сама очень рада, что слухи о вашей смерти были несправедливы....

Болеславской.

Я спѣшилъ, сударыня!...

Софья.

Возвратиться въ Россію,—это весьма натурально. Кто не любитъ, своего отечества? А! кстати, мнѣ надобно сказать вамъ, для чего вы должны были пріѣхать къ намъ подъ чужимъ именемъ?...

Болеславской.

Братецъ вашъ сказалъ мнѣ, что Г-жа Радугина....

Софья.

Не захотѣла бы, можетъ быть, принять васъ, и лишила бы меня удовольствія видѣть еще хотя однажды пріятеля покойнаго моего батюшки....

Болеславской.

Какъ, сударыня!

Софья.

Да, Болеславской! только однажды сестра требовала, чтобъ я....

Болеславской.

Чтобъ вы забыли Болеславскаго; и вы, сударыня, рѣшились....

Софья.

Повиноваться той, которая служитъ мнѣ вмѣсто матери.

Болеславской.

И вы.... но виноватъ, сударыня, мнѣ должно молчать и удивляться только, съ какой покорностью выполняете вы приказанія сестры вашей!

Софья.

Надѣюсь, сударь, вы согласитесь, что все заставляетъ меня поступать такимъ образомъ: благодарность, которою я обязана сестрицѣ, мой долгъ....

Болеславской.

И собственныя ваши чувства. Будьте откровеннѣе, сударыня; къ чему это излишнее притворство? Вы меня не любите болѣе.

Софья.

Признайтесь, Болеславской, вѣдь это не привело бы васъ въ отчаяніе?

Болеславской.

Меня, сударыня? я вижу, вы судите по себѣ.

Софья.

И очень увѣрена, что вы, также какъ я, кромѣ дружбы ничего ко мнѣ не чув-

ствуете; да и смѣшно бы было думать, что любовь можетъ продолжится вѣчно.

Болеславской, *въ сторону.*

Неблагодарная! но ты не будешь утѣшаться моимъ отчаяніемъ! (*Громко*). И такъ вы меня не любите? Какъ я радъ! теперь и мнѣ не трудно будетъ сдѣлать мое признаніе!

Софья, *съ удивленіемъ.*

Ваше признаніе!

Болеславской.

Да, сударыня! до сихъ поръ я говорилъ языкомъ жениха, который былъ увѣренъ, что найдетъ невѣсту свою постоянною: мои правила, прежнія обязанности, все заставляло меня поступать такимъ образомъ.

Софья.

Какъ, сударь! ваши правила, прежнія обязанности....

Болеславской.

Да, сударыня! мои правила, а не любовь. Искренность ваша даетъ и мнѣ право быть откровеннымъ.

Софья, *тихо Сашѣ.*

Сашинька! что это значитъ?

Саша.

По дѣломъ вамъ.

Болеславской.

Какъ я доволенъ, время излѣчило насъ обоихъ! намъ не въ чемъ упрекать другъ друга. (*Въ сторону*). Измѣнница!

Софья.

Не думаете ли, я что буду дѣлать вамъ упреки? (*Въ сторону*). Вѣроломный!

Болеславской.

И такъ, у насъ все кончено?

Софья.

Все!

Болеславской.

Могу ли я надѣяться, по крайней мѣрѣ, что мы останемся друзьями?

Софья, *въ сторону.*

Злодѣй! предлагать мнѣ свою дружбу! *(Громко).* Нѣтъ, сударь, нѣтъ! никогда!

Болеславской.

Она меня ненавидитъ!—Чѣмъ заслужилъ я, сударыня?....

Софья.

Чѣмъ? чѣмъ?... Извольте, мы будемъ друзьями! я вижу, вы только и способны къ этому холодному чувству.

Болеславской, *дѣлаетъ движенiе уйти и останавливается.*

Признаюсь, сударыня, я не думалъ, чтобы столичная жизнь перемѣнила такъ много вашъ характеръ.

Софья.

Я никогда не воображала, чтобъ два года, проведенные во Францiи, могли сдѣлать человѣка совершенно другимъ.

Болеславской.

Правда, здѣсь столько удовольствiй; молодые люди здѣсь такъ любезны!...

Софья.

Да, сударь, Француженки такъ милы такъ привлекательны! Не правда ли?

Болеславской.

Да, сударыня! ихъ напрасно упрекаютъ въ вѣтренности, въ непостоянствѣ; благодаря просвѣщенію, наши Россіянки....

Софья.

Должны перенимать у нихъ; должны обманывать, презирать мущинъ; мучить ихъ, забавляться ихъ отчаяніемъ, и никогда не любить: они не заслуживаютъ этаго.

Болеславской, *съ любопытствомъ.*

И такъ, вы не сдѣлали еще никакого выбора, сударыня?

Софья.

О нѣтъ! я знаю мущинъ: любовь у нихъ одно пустое слово, нѣжность одно притворство; чувствительность, гнусное лицемѣріе; мужья или измѣнники, или тираны своихъ женъ. Нѣтъ, нѣтъ! я ненавижу мущинъ! они видятъ въ насъ одни недостатки, считаютъ для себя все позволительнымъ, и не прощаютъ намъ ничего. Если женщина весела, любезна — она кокетка; если тиха, скромна, постоянна — она утомительна, нестерпима. Однимъ словомъ, мы имѣемъ всѣ пороки, вы никакихъ! Мущины называютъ насъ вѣтреными и не знаютъ сами постоянства; считаютъ ни за что измѣнять своимъ клятвамъ и вмѣняютъ намъ въ преступленіе ту самую холодность, которой они сдѣлались достойными. Не подумайтежъ однако, чтобъ я говорила на вашъ счетъ; о, нѣтъ! вы только мущина, какъ и всѣ прочіе.

Болеславскаго.

Къ несчастію, я также былъ легковѣренъ, какъ и всѣ.

Софья.

Почему знать, можетъ быть во Франціи женщины умѣли васъ сдѣлать постояннымъ; можетъ быть, какая нибудь милая Француженка....

Болеславской.

Женщины вездѣ одинаковы, сударыня: вездѣ легкомысленны, неблагодарны; онѣ не заслуживаютъ быть любимы; ихъ нѣжность, постоянство, вѣрность, существуютъ въ однихъ романахъ; онѣ любятъ не насъ, но право, которое даетъ имъ любовь терзать бѣдныхъ мущинъ своими капризами, повелѣвать ими, какъ невольниками, приводить въ отчаяніе своимъ непостоянствомъ; ихъ счастіе дурачить каждаго и смѣяться надъ всѣми; видѣть всѣхъ у ногъ своихъ и не любить ни кого. Да, сударыня, кто знаетъ женщинъ и любитъ ихъ, тотъ потерялъ разсудокъ; и если онъ умѣетъ презирать притворныя слезы, ложныя клятвы, если гнушается измѣною, обманомъ, коварствомъ: то долженъ ненавидѣть ихъ, долженъ.... Не подумайте впрочемъ, чтобъ я говорилъ на вашъ счетъ; о, нѣтъ! вы только женщина, какъ и всѣ другія.

(*Хочетъ уйти*).

Софья.

Вы отъ сюда ѣдете?

Болеславской.

Да, сударыня.

Софья.

Куда, если спросить смѣю?

Болеславской.

Не знаю, можетъ быть....

Софья.

Опять въ прелестную Францію?

Болеславской.

Нѣтъ, нѣтъ! въ Камчатку, на край свѣта! какъ можно далѣе отъ милыхъ, просвѣщенныхъ женщинъ.

Софья.

И вы скоро ѣдете?

Болеславской.

Да, сударыня, сего дня, сей часъ, сію минуту! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! Прощайте!

(Хочетъ уйти).

Софья, *въ сторону.*

Ахъ, Сашинька! онъ уѣзжаетъ!

Саша.

Пришлось мнѣ вступиться въ ваше горе! (*Болеславскому*). Погодите-ка, сударь, ѣздить въ Камчатку. (*Беретъ его за руку и ведетъ къ Софьѣ).*

Болеславской.

Куда ты ведешь меня?

Саша.

А вотъ сюда; станьте-ка вотъ здѣсь. Теперь взгляните на барышню.

Болеславской.

Ахъ, Софья!

Софья.

Ахъ, Болеславской!

Саша.

Прошу покорно! да вы въ самомъ дѣлѣ другъ друга терпѣть не можете!— Не стыд-

но ли, сударь, вы не могли до сихъ поръ примѣтить, что это было только небольшое испытаніе.

Болеславской.

Что я слышу? правда ли это?

Софья.

Какая вамъ нужда до этаго? вы меня не любите.

Болеславской.

Больше, чѣмъ когда нибудь! я никогда не переставалъ любить васъ!

Софья.

Отдыхаю!

Болеславской.

И такъ это была одна только шутка?

Софья.

И вы можете въ этомъ еще сомнѣваться?

Болеславской.

Вы возвращаете мнѣ жизнь!

Софья.

Простите ли вы мнѣ, Болеславской? я поступила такъ легкомысленно!

Саша.

Тише! сюда идутъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Волгинъ и Радугина.

Волгинъ.

Да отстанешь ли ты отъ меня?

Радугина.

Нѣтъ, сударь, нѣтъ! я не перестану тебѣ твердить, что ты безъ вкуса, безъ души!

Волгинъ.

Да тьфу пропасть! что за бѣда?

Радугина.

Что за бѣда! безсовѣстной! что за бѣда! заснуть, слушая мою драму, лучшую мою драму!

Софья, *подводя Болеславскаго.*

Сестрица!...

Радугина.

Драму! которая должна привести въ восхищеніе каждаго!... которая....

Софья.

Сестрица!

Радугина.

Заснуть! Ахъ, Боже мой! заснуть при Князѣ и Шмелевѣ; заставить ихъ уйти изъ кабинета, прервать мое чтеніе, и онъ же говоритъ, что за бѣда! заснуть вмѣсто того, чтобъ восхищаться....

Волгинъ.

Да кой чортъ! кому придетъ въ голову восхищаться, слушая твои бредни!

Радугина.

Мои бредни! О невѣжество! и онъ мнѣ родной братъ! и мы родились съ нимъ отъ одной матери!

Софья.

Сестрица!

Радугина.

А! это ты, Сонюшка! Вообрази, что надѣлалъ любезный мой братецъ! Пришелъ

ко мнѣ въ кабинетъ какъ путной человѣкъ слушать, и что же? въ самомъ интересномъ мѣстѣ, когда Князь и Шмелевъ таяли отъ восхищенія, утопали въ восторгахъ....'

Волгинъ.

Да обернись, матушка!

Радугина.

Заснулъ!—Князь и Шмелевъ, будучи не въ силахъ удержаться отъ смѣха, изъ пристойности вышли вонъ. Я должна была перестать читать.

Болеславской, *подходя къ Радугиной.*

Позвольте мнѣ, сударыня....

Радугина, *увидя Болеславскаго.*

Ахъ! извините....

Волгинъ.

Рекомендую тебѣ, сестра, приятеля моего Людмилова.

Радугина.

Очень рада, сударь.

(*Болеславской кланяется*).

Волгинъ.

Славной малой! жаль только, что онъ также, какъ ты, бредитъ стихами.

Болеславской.

Я, сударь?...

Радугина.

Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! я люблю людей съ талантами, и братъ очень одолжилъ меня, доставя случай съ вами познакомиться.

Болеславской.

Я считаю себѣ за особенную честь....

Радугина.

Позвольте узнать, въ какомъ родѣ вы болѣе пишете?

Болеславской.

Въ какомъ родѣ?... я не знаю, сударыня.

Радугина.

О! я вижу вы не хотите сказать; но впрочемъ всѣ роды хороши, выключая скучнаго.

Волгинъ.

Ну, сестра, дурной же ты родъ для себя выбрала.

Радугина.

Опять!...Послушай, братецъ, эпиграммы твои становятся несносными, и еслибъ я имѣла менѣе терпѣнія....

Волгинъ.

Дай-то Богъ, чтобъ у тебя его было столько же, какъ у тѣхъ, которые слушаютъ твои драмы.

Радугина.

Мои драмы! безбожникъ! мои драмы! Вѣдь надобно же имѣть мѣдной лобъ, чтобъ говорить о моихъ драмахъ тому, кто.... (*Болеславскому*). Я положусь на васъ, сударь; вы человѣкъ съ талантомъ, слѣдственно умѣете сами цѣнить дарованія. Какъ вы думаете, что сдѣлалъ вашъ пріятель, который говоритъ съ такою насмѣшкою о моихъ драмахъ?

Волгинъ.

Что сдѣлалъ? А вотъ что: она стала мнѣ читать какую-то претолстую драмищу; на первомъ листѣ я началъ зѣвать, на второмъ задремалъ, а на третьемъ заснулъ; — вотъ и все тутъ.

Радугина.

Заснулъ! слышите ли, батюшка, заснулъ?

Болеславской.

Г-на Волгина можно извинить: онъ только что пріѣхалъ изъ дороги,—усталость....

Радугина.

Какія жалкія причины! можно ли чувствовать усталость, когда сердце растрогано? Я прочту вамъ мою піэсу, вы увидите, что въ ней есть такія мѣста, такія сцены....

Волгинъ, *сквозь зубы.*

Хвались, хвались ржаная каша!

Радугина.

Я, сударь, не хвалю себя; я очень чувствую свои недостатки;... но со всѣмъ тѣмъ, не смотря на это, я не говорю ничего.... Вы услышите сами.

Болеславской.

Я очень вѣрю, сударыня.

Радугина.

Сюжетъ моей драмы самой интересной; вотъ изволите видѣть: одинъ жестокой отецъ имѣетъ одну несчастную дочь, которая влюблена въ одного страстнаго любовника; этотъ страстной любовникъ имѣетъ нѣжную мать, которая родная сестра одному почтенному старику, который....

Волгинъ, *зѣваетъ.*

Помилуй сестра! меня опять дремота беретъ!

Радугина.

Нѣтъ, это выше всякаго понятія! люди съ умомъ восхищаются моими произведеніями, а мой братецъ....

Волгинъ.

Да они восхищаются-то тебѣ въ глаза, а послушала бы ты, что говорятъ о тебѣ заочно.

Радугина.

Ты думаешь мнѣ льстятъ? Знаешь ли, очень легко доказать, что ты ошибаешься?

Волгинъ.

Право?.... желалъ бы очень.

Радугина, *Софьѣ.*

Ты читала мои стихи подъ названіемъ: Фиміамъ Музамъ?

Софья.

Читала, сестрица.

Радугина.

Но ты не знаешь, что я послала ихъ вчера къ Шмелеву, съ просьбою напечатать ихъ въ журналѣ.

Софья.

Нѣтъ, сестрица.

Радугина.

Мнѣ хотѣлось сдѣлать сюрпризъ моимъ знакомымъ, и для того я скрыла мое имя; Шмелевъ не знаетъ кто сочинилъ ихъ, слѣдственно скажетъ о нихъ откровенно свое мнѣніе. Я постараюсь завести объ этомъ рѣчь, и ты услышишь самъ братецъ.

Волгинъ.

Услышу! услышу!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже, Шмелевъ, Князь и Сластилкинъ.

Радугина.

А, Князь! рекомендую вамъ пріятеля моего брата. (*Князь и Болеславской кланяются. Радугина тихо Князю*). Это молодой стихотворецъ съ большимъ талантомъ. (*Громко*). Безъ сомнѣнія Г-нъ Людмиловъ пробудетъ у насъ цѣлый день?

Болеславской.

Съ великимъ удовольствіемъ, сударыня.

Радугина.

У насъ сего дня вечеромъ небольшое чтеніе; я надѣюсь, вы не откажетесь что нибудь прочесть.

Болеславской.

Охотно бы выполнилъ вашу волю, но....

Радугина.

Г-нъ Людмиловъ! не заставляйте себя просить.

Болеславской.

Это не моя привычка, сударыня; но клянусь вамъ у меня теперь ничего нѣтъ.

Радугина.

Пустая отговорка, сударь! пустая отговорка!

Шмелевъ.

Если не ошибаюсь, вы никогда еще не выпускали въ свѣтъ вашихъ сочиненій.

Болеславской.

Нѣтъ, сударь; у насъ и безъ меня такъ много сочинителей.

Князь.

А особливо нынче, когда страсть печатать сдѣлалась общею.

Шмелевъ.

Кто знаетъ это лучше меня; я намѣренъ скоро продавать на вѣсъ прозу и стихи, которыми меня со всѣхъ сторонъ заваливаютъ.

Радугина.

Не получили ли вы чего нибудь новаго на нынѣшней недѣли?

Шмелевъ.

На нынѣшней.... бездѣлицу! два посланія изъ Вятки, три элегіи изъ Саратова, четыре баллады изъ Петербурга, двенадцать эпиграммъ отъ здѣшнихъ авторовъ, да одну торжественную оду изъ Уфы.

Радугина.

И больше ничего?

Шмелевъ.

Ничего.... Ахъ, нѣтъ! извините, я было забылъ про самую интересную піэсу: какой-то Фиміамъ Музамъ отъ неизвѣстнаго.

Радугина, *тихо Волгину.*

Слышишь ли? самую интересную!

Шмелевъ.

Она подлинно заслуживаетъ большое вниманіе!

Радугина, *тихо Волгину.*

Слышишь ли?

Шмелевъ.

Мнѣ не удавалось читать еще никогда такой несравненной, такой превосходной....

Радугина.

Неужели!....

Шмелевъ.

Нелѣпости! я не понялъ изъ нее ни одного слова.

Волгинъ.

Слышишь ли сестра?

Радугина, *тихо Волгину.*

Молчи, братецъ!

Князь.

Чтожъ вы сдѣлали съ этимъ Фиміамомъ?

Шмелевъ.

Раскурилъ имъ трубку.

Волгинъ.

Слышишь ли, сестра!

Радугина, *тихо.*

Братецъ!

Софья.

Какое жестокосердіе!

Шмелевъ.

Напротивъ, я изъ состраданія къ бѣдному автору не хотѣлъ ихъ напечатать.

Радугина, *съ скрытною досадою.*

Я думаю, онъ обошелся бы и безъ вашего состраданія, Г-нъ Шмелевъ.

Шмелевъ.

Въ этомъ я увѣренъ; онъ вѣрно не чувствуетъ моего благодѣянія.

Радугина.

Надобно признаться, Г-нъ Шмелевъ отмѣнно строгъ ко всѣмъ, выключая самаго себя.

Шмелевъ.

Какъ, сударыня!

Радугина.

Да, сударь, я совѣтовала бы вамъ посматривать иногда и на то, что вы сами пишете.

Шмелевъ, *въ сторону.*

Что это значитъ? неужели!

Волгинъ, *громко.*

Сестра! чтожъ ты сердишься? вѣдь этакъ всѣ узнаютъ, что стихи-то твои.

Радугина, *съ жаромъ.*

Да, сударь, они мои, и я не смотря на всѣхъ журналистовъ въ свѣтѣ, не стыжусь назвать ихъ своими.

Шмелевъ.

Прекрасно! наконецъ вы сами попались; и вы думали, сударыня, что я не узнаю ваши стихи отъ того, что вы не подписали своего имени?

Радугина.

Какъ! вы знали....

Шмелевъ.

Да, сударыня, вы скрыли свое имя; но могли ли вы скрыть эти красоты поэзіи, эту прелесть слога, которая однимъ вамъ свойственна?

Радугина.

Что же должна я думать?

Шмелевъ.

Что я хотѣлъ заставить васъ признаться, и для того долженъ былъ тронуть авторское самолюбіе, впрочемъ простительное для женщины съ вашимъ талантомъ; я спорилъ объ этихъ стихахъ съ Княземъ: онъ не хотѣлъ вѣрить, что они ваши. Ну, Князь; теперь видите кто изъ насъ правъ?

К н я з ь.

Признаюсь, сударыня, я всегда былъ увѣренъ въ дарованіяхъ вашихъ; но такіе стихи....

Р а д у г и н а.

Прошу покорно! надобно же быть дурѣ, чтобъ не догадаться. Ну, Г-нъ Шмелевъ, поддѣли же вы меня.

В о л г и н ъ.

Вывернулся, какъ вывернулся, проклятой!

К н я з ь, *тихо Шмелеву.*

Вы хорошо отдѣлались!....

Ш м е л е в ъ.

Не совсѣмъ: мнѣ надобно ихъ завтра напечатать, а я....

К н я з ь.

Погодите. (*Громко*). Сударыня, завтра ваши стихи будутъ напечатаны, но мнѣ бы очень пріятно было прочесть ихъ прежде....

Р а д у г и н а.

Я очень рада вамъ услужить: вы сего дня же получите съ нихъ копію.

К н я з ь.

Надѣюсь, вашей руки?

Р а д у г и н а.

Если вы хотите.

В о л г и н ъ, *смотря на часы.*

Сестра, третій часъ; что по вашему ученому-то въ которомъ часу обѣдаютъ?

Р а д у г и н а.

Теперь еще рано.

Волгинъ.

Да мы съ Людмиловымъ люди деревенскіе, по нашему такъ пора бы ужъ изъ за стола.

Радугина.

Всего лучше, не угодно ли вамъ, любезные мои гости, въ залу: тамъ приготовленъ завтракъ.

Волгинъ, *Болеславскому.*

Пойдемъ-ка, братъ, да закусимъ чего нибудь.

Радугина, *прочимъ.*

Прошу покорно, господа.

(Всѣ уходятъ; Князь останавливаетъ Радугину).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь и Радугина.

Князь.

Одно слово, сударыня! я хочу спросить васъ....

Радугина.

Получила ли я ваши стихи? да, Князь, они прекрасны!

Князь.

Нѣтъ, сударыня....

Радугина.

Какъ нѣтъ? о! въ этомъ ни кто не будетъ согласенъ съ вами.

Князь.

Но я хотѣлъ сказать....

Радугина.

Вы хотѣли сказать, что они не хороши. Князь! вы очень скромны!

Князь.

Оставимте это; я....

Радугина.

Нѣтъ, нѣтъ! я не намѣрена щадить вашей скромности....

Князь, *съ нѣкоторою досадою.*

Ахъ, Боже мой! да выслушайте меня....

Радугина.

Такое смиреніе прилично людямъ съ обыкновенными дарованіями; но человѣкъ съ вашимъ умомъ, съ вашими познаніями....

Князь.

Но я хотѣлъ говорить не о стихахъ, сударыня....

Радугина.

Не о стихахъ! о чемъ же?

Князь.

О вашей сестрицѣ.

Радугина.

О сестрѣ!

Князь.

Скажите, могу ли я имѣть надежду, что исканіе мое не противно Софьѣ, что я узнаю наконецъ рѣшеніе моей участи?...

Радугина.

И гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете.

Князь.

Неужели?

Радугина.

Знаете ли вы, какое имѣли дѣйствіе стихи ваши надъ Софьею?

Князь.

Они ей понравились....

Радугина.

Она отъ нихъ безъ памяти.

Князь.

Я очень радъ!

Радугина.

Софья призналась мнѣ даже, что не могла бы видѣть равнодушно автора сихъ стиховъ.

Князь.

Вы шутите.

Радугина.

Каждой стихъ казался ей превосходенъ.

Князь.

Знаетъ ли Софья, что они мои?

Радугина.

Нѣтъ еще; гораздо лучше, если вы объявите объ этомъ вечеромъ, вы будете ихъ читать при полномъ собраніи; а теперь, Князь, ступайте къ Софьѣ, старайтесь быть какъ можно любезнѣе, и если я не ошибаюсь, то можетъ быть нынче же.... Но что будетъ, то будетъ, впередъ нѣчего загадывать.

Князь.

Прощайте, сударыня; я спѣшу къ прелестной вашей сестрицѣ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Радугина, *одна*.

Надо постараться показать брату наше общество во всемъ его блескѣ. Сашинька! Сашинька!

ЯВЛЕНІЕ X.

Радугина и Саша.

Саша.

Что прикажите, сударыня?

Радугина.

Все ли у тебя приготовлено къ вечеру?

Саша.

Извольте приказывать, сударыня.

Радугина.

Чтеніе будетъ въ кабинетѣ; письменной мой столъ накрыть краснымъ сукномъ.

Саша.

Слушаю, сударыня.

Радугина.

Кругомъ поставить стулья.

Саша.

Слушаю, сударыня.

Радугина.

На столѣ, противъ каждаго стула, положить по листу бѣлой бумаги.

Саша.

Развѣ ваши гости будутъ писать, а не читать?

Радугина.

Нѣтъ, дура! это одна проформа: такъ вездѣ водится. На столъ поставить мою большую чернилицу.

Саша.

Слышу, сударыня.

Радугина.

И два бронзовые канделабра съ восковыми свѣчами.

Саша.

Слушаю, сударыня.

Радугина.

Теперь ступай. Постой, постой! я забыла самое нужное: приготовь поболѣе воды съ сахаромъ и поставь также на столъ.

Саша.

Слышу, сударыня.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Радугина, *одна.*

Ну, кажется все приказано, что нужно. ! да вотъ и Сластилкинъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Радугина и Сластилкинъ.

Сластилкинъ.

Я васъ ищу, сударыня; и изъ ума вонъ, что у меня есть къ вамъ препорученіе отъ Тиранкина.

Радугина.

Что такое, батюшка?

Сластилкинъ.

Онъ проситъ извинить его: ему никакъ не льзя быть у васъ сего дня.

Радугина.

Не льзя? быть не можетъ! онъ обѣщалъ мнѣ сего дня читать у меня свою новую комедію.

Сластилкинъ.

Онъ очень занятъ планомъ трагедіи, которую хочетъ непремѣнно кончить на будущей недѣлѣ.

Радугина.

Не льзя быть! вотъ пріятели! ты на нихъ надѣешься, считаешь.... а они!... Не льзя быть! боится ли онъ Бога? не льзя быть! безсовѣстный!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и Дребедневъ.

Радугина.

А! Г-нъ Дребедневъ!

Дребедневъ.

Я сей часъ отъ Змѣйкина, сударыня; онъ никакъ не можетъ быть у васъ сегодня.

Радугина.

Какъ! и Змѣйкинъ....

Дребедневъ.

Бѣдняжка въ страшномъ горѣ: онъ потерялъ роднаго дядю, который оставилъ ему въ наслѣдство три тысячи душъ. Вы не можете вообразить, въ какомъ онъ отчаяньи.

Радугина.

Какое несчастіе! и надобно же было этому дядѣ умереть сего дня!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Слуга.

Слуга.

Отъ Г-на Усыпляева. (*Подаетъ письмо*).

Радугина.

Отъ Усыпляева! не ужели и онъ.... нѣтъ, нѣтъ! быть не можетъ! (*Читаетъ*). „Нынѣшнимъ вечеромъ хотѣлъ я читать „у васъ мою сатиру; но, къ крайнему моему „сожалѣнію, не могу выполнить своего обѣ„щанія.“—Не можетъ!—„Вчерась былъ я въ „театрѣ, давали комедію общаго нашего „злодѣя Честонова. Несносная публика „приняла ее съ рукоплесканіемъ. Я взбѣ„сился, хотѣлъ освистать комедію, акте„ровъ, зрителей; отъ ужасной досады у „меня разлилась желчь, и я долженъ теперь „по неволѣ сидѣть дома!“ —Ну, и есть люди, которые говорятъ, что Честоновъ доброй человѣкъ; злодѣй! И за чѣмъ было Усыпляеву

смотрѣть эту проклятую комедію? Ну, господа, у меня на васъ теперь только и надежда.

Дребедневъ.

Къ несчастію, у меня, кромѣ двухъ строфъ новой оды, ни чего къ сегоднишнему вечеру не приготовлено.

Радугина, *Сластилкину.*

Нѣтъ ли хоть у васъ чего нибудь?

Сластилкинъ.

Ничего, сударыня; я полагалъ, что и безъ меня довольно будетъ чтенія.

Радугина.

Ничего? Ахъ, Боже мой! да какъ не имѣть чего нибудь въ запасѣ? Прекрасно! что скажетъ братъ? что скажетъ Г. Людмиловъ? А я хотѣла ихъ удивить, поразить, заставить восхищаться! (*Дребедневу*). Не льзя ли написать что нибудь на скорую руку? что нибудь! бездѣлицу! хоть какую нибудь торжественную оду!

Дребедневъ.

Я право не могу.

Радугина.

Что мнѣ дѣлать? острамлюся я передъ этимъ пріѣзжимъ; что онъ обо мнѣ подумаетъ? (*Сластилкину*). Батюшка! выкупи изъ бѣды, постарайся, поройся въ своихъ бумагахъ, нѣтъ ли у тебя какой завалящей элегіи?

Сластилкинъ.

Постойте, сударыня; у меня, кажется, есть одинъ сантиментальной отрывокъ прозы. (*Шаритъ въ карманѣ*). Такъ точно! (*Вынимаетъ бумаги и читаетъ*). „Вздохи „души моей, или мечтанія и мысли при

„лунномъ свѣтѣ на берегу тихо-журчащаго „ручейка.“

Радугина.

Прекрасно! прекрасно!....

Сластилкинъ.

Я его окончу непремѣнно къ вечеру.

Радугина.

Постарайтесь только, чтобъ онъ былъ длиннѣе. Пойдемте теперь обѣдать. Г-нъ Сластилкинъ, еслибъ вы вмѣсто обѣда пошли ко мнѣ въ кабинетъ окончить вашъ отрывокъ.

Сластилкинъ.

Вмѣсто обѣда? о! Боже сохрани! да я и двухъ словъ не напишу на тощій желудокъ.

Радугина.

По крайней мѣрѣ тотчасъ послѣ обѣда.

Сластилкинъ.

Не безпокойтесь, лишь только изъ за стола, то и за перо!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

На сценѣ столъ, накрытый краснымъ сукномъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Саша, *одна.*

Я думаю скоро уже начнется чтеніе; надобно приготовить и зажечь свѣчи. (*Беретъ ихъ со стола и хочетъ вставить въ шандалы*). Вотъ бѣда! не чемъ подвернуть; они такъ держаться не будутъ. А! это что за листъ? Какой измаранной! (*Читаетъ*). „Ахъ! увы! милая природа.“ Такъ точно, это сочиненіе Г-на Сластилкина; вѣрно написано на черно: почти всѣ слова перекрещены. Кстати же онъ его здѣсь бросилъ. (*Беретъ и подвертываетъ онымъ свѣчи*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Саша, Софья и Князь Вечеславинъ.

Князь.

Нѣтъ, сударыня! я не отстану отъ васъ: я хочу непремѣнно, чтобъ вы сказали.....

Софья.

Какъ вы мнѣ наскучили, Князь.

Князь.

Я постараюсь вамъ наскучить еще болѣе; можетъ быть вы рѣшитесь тогда отвѣчать на мои вопросы.

Софья.

Прекрасное средство! и вѣрно оно вамъ часто удается.

Князь.

Всегда ли вы будете платить за любовь мою одною холодностію?

Софья.

Перестанете ли вы когда нибудь мучить меня своими жалобами?

Князь.

Признайтесь сами, можно ли быть постояннѣе меня?

Софья.

Согласитесь Князь, что я очень терпѣлива.

Князь.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ я говорю вамъ безпрестанно о любви моей и сношу вашу холодность.

Софья.

Вотъ уже два часа, какъ я слушаю это, и не мѣшаю вамъ говорить.

Князь.

Вы всегда избѣгаете изъясненія. Узнаю ли я когда нибудь причину вашего равнодушія?

Софья.

Вы хотите знать ее,—извольте: я не могу принадлежать вамъ, — выборъ мой уже сдѣланъ.

Князь.

Какъ, сударыня!

Софья.

Да, Князь, нынѣшнимъ утромъ я рѣшилась, и ничто въ свѣтѣ не перемѣнитъ моего намѣренія.

Князь.

Нынѣшнимъ утромъ? А! понимаю, сударыня; этотъ пріѣзжій, который былъ знакомъ съ вами еще въ деревнѣ....

Софья.

Вы думаете, что Людмиловъ?...

Князь.

Нѣтъ, я право не думаю этаго.... я такъ недогадливъ.... я ошибаюсь....

Софья.

Да, Князь, вы ошибаетесь.

Князь.

Неужели? позвольте же мнѣ узнать имя счастливаго смертнаго....

Софья.

Я и сама еще не знаю.

Князь.

Вы смѣетесь надо мною.

Софья.

Князь, вы любезны, имѣете много достоинствъ; но все это не составило бы моего счастія: я хотѣла имѣть му-

жемъ человѣка, который восхищалъ бы меня своимъ талантомъ; я нашла его, и твердо рѣшилась принадлежать ему, или не быть никогда замужемъ. Этотъ человѣкъ есть неизвѣстный сочинитель стиховъ, которые сестрица получила сегоднишнимъ утромъ.

Князь, *въ сторону.*

Что я слышу?

Софья.

Смѣйтесь надо мною, называйте меня мечтательницею, сумасшедшею, всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно; но я не перемѣню своего намѣренія.

Князь.

Напротивъ, я....

Софья.

Я хочу доказать, что женщины умѣютъ не менѣе мущинъ цѣнить таланты и дарованія.

Князь.

Кто смѣетъ сомнѣваться въ этомъ? (*Въ сторону*). Какое счастіе!

Софья.

Вы заставили меня признаться, и если это для васъ непріятно....

Князь.

О! нѣтъ, сударыня! признаніе ваше восхищаетъ меня!

Софья.

Восхищаетъ васъ? Какъ сударь! неужели? Но я не хочу теперь ничего знать....

Князь.

Неизвѣстный, котораго стихи имѣли счастіе вамъ понравиться....

Софья.

Не долженъ еще открывать своего имени.

Князь.

Но можно ли удержаться?...

Софья.

Князь! я имѣю на то свои причины, я хочу этаго.

Князь.

Вы хотите? желанія ваши для меня законы; — я молчу, сударыня.

Софья.

Нынче на чтеніи мы его узнаемъ, и тогда, если онъ меня любитъ....

Князь.

Онъ обожаетъ васъ!

Софья.

Я повторю при всѣхъ обѣщаніе принадлежать ему.

Князь.

Какъ онъ благополученъ! (*Вѣ сторону*). Я не ожидалъ такой счастливой развязки.

Софья.

Теперь вы видите, что Людмиловъ для васъ совсѣмъ не опасенъ.

Князь.

Мнѣ право жаль его. Бѣдняжка! онъ васъ любитъ, я это замѣтилъ, точно замѣтилъ! Можетъ быть въ деревнѣ вы отличали его отъ прочихъ знакомыхъ вашихъ.

Софья.

Это правда.

Князь.

Такъ точно! онъ вѣрно надѣится, и что всего забавнѣе, сколько я могъ замѣ-

тить, онъ никакъ не предчувствуетъ этаго громоваго удара; онъ такъ спокоенъ, такъ увѣренъ.... и вдругъ, какой сюрпризъ! ха! ха! ха! бѣдной Людмиловъ!

Софья.

Перестаньте, Князь, пожалѣйте его.

Князь.

Я пойду теперь къ Г-жѣ Радугиной. Она знаетъ намѣреніе ваше?

Софья.

Да, Князь, я сказала ей, что никто, кромѣ неизвѣстнаго сочинителя стиховъ, не получитъ моей руки.

Князь.

И она....

Софья.

Согласна на это.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе и Болеславской.

Князь.

Я внѣ себя отъ восхищенія! Ахъ, сударыня! еслибъ я могъ.... но я не говорю теперь ничего; чрезъ часъ, чрезъ полчаса вы узнаете неизвѣстнаго, который.... но я повинуюсь вамъ и молчу.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Софья и Болеславской.

Софья.

Князь сказалъ правду: это будетъ такой забавной сюрпризъ!.... (*Увидя Болеславскаго*). Ахъ! это вы?

Болеславской.

Князь оставилъ васъ въ такомъ восхищеніи; онъ говорилъ о какомъ-то неизвѣстномъ....

Софья.

Который долженъ быть непремѣнно моимъ мужемъ.

Болеславской.

Неизвѣстный! вашимъ мужемъ! что это значитъ? но вы вѣрно шутите?

Софья.

Нѣтъ, Болеславской, я говорю правду. Сего дня сестрица получила отъ какого-то неизвѣстнаго стихи; они свели меня съ ума, и я рѣшилась отдать свою руку тому, кто сочинилъ ихъ.

Болеславской.

А! теперь понимаю: это опять небольшое испытаніе....

Софья.

Увѣряю васъ, я говорю не шутя.

Болеславской.

Въ самомъ дѣлѣ, это такъ походитъ на истину.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Волгинъ.

Волгинъ, *Софьѣ*.

Я тебя искалъ вездѣ. Правда ли, что и ты также сошла съ ума?

Софья.

Какъ, братецъ?

Волгинъ.

Правда ли, что ты хочешь выдти замужъ за какого-то рифмача, который прислалъ сего дня къ сестрѣ стихи?

Софья.

Правда, братецъ.

Волгинъ.

И такъ сестра меня не обманула. Ну, голубушки, я вижу, вамъ обѣимъ не миновать жолтаго дома. (*Болеславскому*). Поѣдимъ, братъ.

Болеславской.

Однакожъ, сударыня, такая шутка.... я надѣюсь, вы скоро ее кончите.

Софья.

Я увѣрена, братецъ, вы не откажетесь быть на моей свадьбѣ?

Волгинъ.

На твоей свадьбѣ?

Софья.

Даже и тогда, если я выйду за Болеславскаго?

Волгинъ.

За Болеславскаго? Да что это за вздоръ? то то, то другое. Что ты, морочишь что ли насъ?

Софья.

Это моя тайна; — подождите полчаса, и вы все узнаете.

Волгинъ.

Послушай, Софья, я загадокъ не люблю; да мнѣ же нѣкогда и дожидаться: у васъ начнется сей часъ чтеніе, такъ я намѣренъ заранѣе убраться по добру, да по здорову.

Софья.

Вотъ этаго-то вамъ и не надобно дѣлать; вы должны непремѣнно быть при развязкѣ.

Болеславской.

Останьтесь, сударь; я самъ также горю нетерпѣніемъ видѣть, что все это значитъ.

Волгинъ.

Да развѣ ты не можешь сказать теперь.

Софья.

Ни какъ... но тише, сюда идутъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Радугина.

Радугина.

Ахъ, братецъ! ты здѣсь. (*Людмилову*). И вы также? а я было испугалась, думала, что вы уѣхали. Саша, зови всѣхъ сюда.

(*Саша уходитъ*).

Волгинъ.

Ну, не чего дѣлать, попался я какъ куръ во щи! Однако смотри, сестра, чуръ не сердиться, неравно меня сонъ одолѣетъ.

Радугина.

Не безпокойся, я увѣрена, ты не заснешь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Снѣгинъ.

Радугина.

А! Г-нъ Снѣгинъ! я уже думала, что и вы не будете.

Снѣгинъ.

Я немного опоздалъ, сударыня; разныя хлопоты, дѣла....

Радугина.

У васъ вѣрно есть что нибудь новинькое.

Снѣгинъ.

Да, сударыня, со мной есть кой что, небольшая бездѣлка, которую я буду имѣть честь представить сего дня на благоразсмотрѣніе всего почтеннаго общества!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже, Князь, Шмелевъ, Сластилкинъ, Дребедневъ и Саша.

Снѣгинъ, *подходя къ Князю кланяется.*

Ваше Сіятельство!

Князь.

А! Г-нъ Снѣгинъ, очень радъ васъ видѣть.

Радугина.

Князь, прошу покорно занять ваше мѣсто. Господа! (*Всѣ садятся за столъ, выключая Софьи, Волгина и Болеславскаго*). Г-нъ Людмиловъ, не хотите ли и вы также?

Болеславской.

Позвольте мнѣ остаться въ числѣ слушателей, сударыня.

Волгинъ.

Садись-ка подлѣ меня, братъ. (*Волгинъ, Софья и Болеславской садятся на другой сторонѣ театра*).

Радугина.

Г-нъ Сластилкинъ, не угодно ли вамъ начать?

Сластилкинъ.

Сейчасъ, сударыня. (*Вынимаетъ бумаги, кашляетъ и начинаетъ читать*). „Вздохи души моей или мысли и мечтанія при лунномъ свѣтѣ.“

Волгинъ.

А смѣю спросить, батюшка, много ли листовъ въ этихъ вздохахъ?

Радугина.

Тсъ! братецъ, прошу не прерывать чтенія. Продолжайте Г-нъ Сластилкинъ.

Сластилкинъ, *читаетъ.*

„Какая глубокая тишина! какое мертвое молчаніе! Все тихо, все предано сну; вся природа дремлетъ; одинъ я лишенъ покоя. Увы! сонъ бѣжитъ несчастныхъ! я сижу подъ тѣнію вѣтвистаго дуба, на берегу мирнаго ручейка; вздохи мои мѣшаются съ бурнымъ его журчаніемъ, и ночное эхо разноситъ ихъ по воздуху. Ахъ! сказалъ я.... Ахъ! сказалъ я.... (*Перевертываетъ листъ*). Ахъ! сказалъ я.... (*Снова перевертываетъ*). Ахъ....“

Волгинъ.

Ну, сударь, ахъ! сказали вы.

Сластилкинъ.

Что это значитъ? изъ самой средины не достаетъ одного листа.

Радугина.

Неужели?

Сластилкинъ.

Я не знаю, куда онъ дѣвался. Вѣрно я оставилъ его, когда здѣсь писалъ.

Саша.

На столѣ, сударь, валялся листъ весь измаранной.

Сластилкинъ.

Гдѣ же онъ?

Саша.

Онъ, сударь.... онъ....

Радугина.

Да скажешь ли ты?

Саша.

Ахъ, сударыня. я.... виновата, я думала что онъ ни на что не годится, и....

Сластилкинъ.

Да гдѣ же онъ?

Саша, *(показывая на свѣчи).*

Вотъ здѣсь, сударь!

Сластилкинъ.

Боже мой! она подвернула имъ свѣчи.

Волгинъ.

Ха! ха! ха! ай-да Саша!

Радугина.

Прошу покорно! ахъ, ты негодница! Да дѣлать нѣчего. Добро ты голубушка!— Господа, не угодно ли вамъ?... *(Дребедневъ и Снѣгинъ начинаютъ вмѣстѣ читать).*

Дребедневъ.	Снѣгинъ.
„Къ Полигимнѣ, ода, строфа первая.“	„Погибшее дитя, романическая повѣсть.“

Шмелевъ.

По одиначкѣ, господа, ради Бога, по одиначкѣ!

Снѣгинъ.

Очень хорошо, я начну первый.

Дребедневъ.

Вы можете погодить, Г-нъ Снѣгинъ.

Снѣгинъ.

А по чему бы такъ, если смѣю спросить Г-нъ Дребедневъ?

Волгинъ.

Послушайте-ка господа, читайте вмѣстѣ, авось эдакъ скорѣй кончите.

Радугина.

Мнѣ приятно видѣть, господа, такое благородное рвеніе; но я полагаю, что намъ лучше начать съ оды. Г-нъ Дребедневъ!

Дребедневъ.

Гмъ! гмъ! „Къ многопѣсной Полигимнѣ ода, то есть лирическое произведеніе.

Шмелевъ.

Благодаримъ за поясненіе.

Дребедневъ.

Я представляю на разсмотрѣніе почтеннаго общества только двѣ строфы сей оды,—произведеніе минуты пламеннаго восторга!

Къ Полигимнѣ.

Небо пылаетъ, грозныя тучи
Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ;
Бури волнуютъ воды зыбучи;
Въ страхѣ Эратой дышетъ Эротъ!
Кто се грядетъ къ намъ со свода небесна?
Тыль Полигимна? тыль многопѣсна?
Твой ли священный образъ я зрю?
Полно же пѣть мнѣ, речетъ гордыни,
Сѣять для рифмы гнусныя дыни, —
Духомъ теперь я къ небу вспарю!

Радугина.

Что твой Ломоносовъ! какая быстрота!

Снѣгинъ, *важно.*

Строфа, достойная Пиндара и Горація!

Сластилкинъ.

Небо пылаетъ! грозныя тучи!

Радугина.

Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ! Какая величественная картина!

Дребедневъ.

Тщетно уранги, буйно строптивы,
Силются стрѣлы въ грудь мнѣ вонзить;
Черви грызущи тощія нивы

Могутъ ли птицу Зевса язвить?
Горе крамольнымъ, если возпряну!
Палицей грозной въ дерзкихъ я гряну,
Всѣ обратятся мигомъ во прахъ!....
Ужасъ пройдетъ отъ рода до рода
И отъ земли до небеснаго свода;
Слухъ о моихъ разнесется дѣлахъ!

Радугина.

Превосходно! какой лирическій безпорядокъ!

Сластилкинъ.

Какая описательная поэзія!

Снѣгинъ.

Какое звукоподражаніе!

Радугина.

Палицей грозной! то есть: грозной палицей, гнѣтущей палицей!

Сластилкинъ.

Прелестно!

Волгинъ.

Чортъ возьми, если я тутъ хоть одно слово понимаю.

Радугина.

Бѣдненькой! мнѣ право тебя жаль. Какъ досадно, Г. Дребедневъ, что ода ваша не кончена: мы лишены большаго удовольствія.

Дребедневъ.

О! сударыня, вы слишкомъ милостивы!

Радугина.

Г-нъ Снѣгинъ! у васъ есть что-то новинькое?

Снѣгинъ.

Да, сударыня, это такъ, малая бездѣлка въ Нѣмецкомъ мрачномъ родѣ, гдѣ все ды-

шетъ въ ней истиннымъ чувствомъ и простотою.

Дребедневъ.

Г-нъ Снѣгинъ охотникъ до предисловій.

Снѣгинъ.

Сюжетъ самой простой, самой невинной! Мальчикъ въ глухую осеннюю полночь, ушедъ по тихоньку отъ отца, удитъ рыбу въ пустынномъ озерѣ. Водяные черти утащили его на дно, и несчастный погибъ невозвратно. Тутъ есть много піитическихъ картинъ: мрачныя небеса и свѣтлая луна, тихое шептаніе вѣтерка и грозное завываніе водяной сволочи, скрежетъ зубовъ, визгъ, гудъ, гулъ, пискъ и прочія принадлежности. (*Вынимаетъ толстую тетрадь и кладетъ на столъ*).

Волгинъ, *вскакиваетъ*.

Помилуй Господи! что это такое?

Радугина.

Что ты, братецъ?

Волгинъ.

Какъ что? посмотри-ка, какую онъ тетрадищу вывалилъ!

Снѣгинъ.

Въ ней всего пятьдесять листовъ.

Волгинъ.

Только-то? Нѣтъ, сестра, слуга покорный! слушай эту милую бездѣлку кто хочетъ, а я....

Князь.

Въ самомъ дѣлѣ, господинъ Снѣгинъ, ваше сочиненіе немного велико.

Снѣгинъ.

Помилуйте, я берусь оную кончить съ небольшимъ въ два часа.

Князь.

Позвольте мнѣ прежде прочесть стихи неизвѣстнаго сочинителя.

Радугина.

Въ самомъ дѣлѣ, Князь, прочтите ихъ. Садись, братецъ; я увѣрена ты съ удовольствіемъ ихъ выслушаешь: они не велики.

Софья.

Я готова биться объ закладъ, что они очень понравятся Г-ну Людмилову.

Болеславской, *тихо Софьѣ.*

Эти стихи....

Софья.

Тѣ самые, которые вскружили мнѣ голову.

Князь.

Сочинитель ихъ имѣетъ право на ваше снисхожденіе. Они написаны сегоднишнимъ утромъ въ четверть часа. (*Вынимаетъ стихи и читаетъ*).

Къ моей любезной:

Гонимый гнѣвною судьбою,
Я дни лишь горестьми считалъ;
Наскуча свѣтомъ и собою,
Одной отрады въ смерти ждалъ.

(*Пьетъ изъ стакана*).

Болеславской, *въ сторону.*

Что это значитъ? не ошибаюсь ли я?

Князь, *продолжаетъ.*

Но вдругъ, какъ солнцемъ озарилась
Унылая душа моя;
Надежда въ сердцѣ водворилась, —
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

Болеславской.

Такъ точно, они мои. (*Встаетъ*). Князь! эти стихи....

Софья.

Прекрасны! не правда ли, Г-нъ Людмиловъ? но прошу васъ удержаться отъ восторговъ, — выслушайте до конца.

(*Болеславской садится*).

Радугина, *брату*.

Видишь ли, мой другъ, какое вліяніе имѣютъ хорошіе стихи на человѣка съ талантомъ: Г-нъ Людмиловъ не могъ на стулѣ усидѣть.

Волгинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ будто самъ не въ себѣ.

Радугина.

Отъ восхищенія, мой милой!

Князь, *продолжаетъ читать*.

Что жизнь безъ страсти сердцу милой?
Печальный къ смерти переходъ!
На что ни взглянешь — все постыло,
Все къ горестямъ лишь насъ ведетъ.
Когда же къ чувствамъ прикоснется
Хоть искра страстнаго огня,
Тогда, мой другъ, лишь жизнь начнется, —
Тогда и началась моя.

Радугина.

Можетъ ли быть что лучше!

Софья, *тихо Болеславскому*.

Потерпите еще немного. (*Громко*). Сестрица, я обѣщала сказать при всѣхъ свое мнѣніе о этихъ стихахъ.

Радугина.

Да, да, милая.

Софья.

Они до того мнѣ нравятся, что я говорю теперь рѣшительно: никто, кромѣ неизвѣстнаго сочинителя стиховъ, не получитъ мою руку, и кто бы онъ не былъ....

Шмелевъ.

Какъ, сударыня! кто бы онъ не былъ?

Софья.

Да, кто бы онъ не былъ,—я сдержу свое слово.

Шмелевъ.

Что я слышу? такая богатая невѣста!

Софья, *сестрѣ*.

Надѣюсь, вы не будете противиться моему желанію.

Радугина.

Напротивъ, съ радостію соглашаюсь и утверждаю твой выборъ.

Софья.

Братецъ, вы слышите, сестрица согласна.

Волгинъ.

Да что это за комедія.

Князь, *встаетъ и всѣ также встаютъ*.

Какое благополучіе! Теперь пора разорвать завѣсу, которая скрывала до сихъ поръ неизвѣстнаго. Прелестная Софья! ваша рука принадлежитъ мнѣ.

Софья.

Какъ, Князь! эти стихи....

Князь.

Написаны мною.

Болеславской.

Нѣтъ! такая наглость.... (*Громко*). Князь!...

Шмелевъ.

Позвольте одно слово. (*Софьѣ*). И вы выполнили бы свое обѣщаніе и тогда, еслибъ неизвѣстный былъ не Князь, но простой обыкновенной человѣкъ?

Софья.

Безъ сомнѣнія.

Шмелевъ.

А если такъ, то извините, Князь, я долженъ сказать правду: эти стихи не ваши.

Радугина.

Какъ!

Князь.

Что это значитъ, Г-нъ Шмелевъ?

Шмелевъ.

Они сочинены мною.

Радугина.

Быть не можетъ.

Князь.

Г. Журналистъ! вы съ ума сошли.

Шмелевъ.

Извините, я въ полномъ разумѣ. (*Софьѣ*). Ваше слово, сударыня, должно быть для васъ священно; и если вы согласитесь сдѣлать счастливымъ человѣка, который втайнѣ обожалъ васъ, то я сей часъ докажу, что эти стихи принадлежатъ мнѣ.

Князь.

Такая дерзость!... (*Радугиной*). Я удивляюсь, сударыня, что въ вашемъ домѣ смѣютъ мнѣ манкировать до такой степени.

Радугина.

Я тутъ ни чего не понимаю, Князь.

Болеславской.

Споръ этотъ не трудно кончить. Успокойтесь господа,—за чѣмъ вамъ ссориться за чужіе стихи?

Радугина.

Вотъ еще новое!

Князь.

Какъ, сударь!

Болеславской.

Стихи, которые вы сегодня по утру написали, сочинены три года тому назадъ.

Князь, *съ гордостію.*

Государь мой! совѣтую вамъ....

Болеславской.

Потише, Князь! повторяю вамъ еще разъ: вы присвоили себѣ чужое; и если это вамъ не нравится....

Софья.

То вы можете отъ сюда уѣхать.

Князь.

И вы, сударыня? Прекрасно!... здѣсь всѣ были въ заговорѣ. *(Радугиной).* Вы также?

Радугина.

Но растолкуйте мнѣ, чьи эти стихи?

Болеславской.

Мои, сударыня.

Радугина.

Ваши!....

Волгинъ.

Вотъ тебѣ и развязка!

Болеславской.

И признаюсь, Князь, я удивляюсь безстыдству....

Князь.

Избавьте отъ объясненій: я не люблю ни какихъ исторій.

Радугина.

Какъ, Князь! вы рѣшились назвать чужое произведеніе своимъ!... рѣшились!...

Князь.

О! сударыня, я охотно отъ нихъ отступаюсь: стихи преплоскіе! (*Дребедневу, Снѣгину и Сластилкину*). Господа! не угодно ли вамъ ко мнѣ?

(*Уходитъ съ ними*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, кромѣ Князя, Дребеднева, Сластилкина и Снѣгина.

Радугина.

Постойте, Князь!.... Ахъ, Боже мой! онъ ушолъ!

Болеславской.

Ну, Г. Шмелевъ, прошу быть откровеннѣе: какимъ образомъ достались вамъ эти стихи?

Шмелевъ.

Я, сударь, написалъ ихъ самъ; и для меня очень удивительно....

Болеславской.

Г. Журналистъ! какъ вы не увертливы, но отъ меня такъ не отдѣлаетесь. Говорите сей часъ, что вы солгали, или сего же дня мы будемъ стрѣляться!

Шмелевъ.

Стрѣляться!... нѣтъ, сударь, я не стрѣляюсь, я не хочу стрѣляться!

Софья.

Какъ, сударь! вы трусите?

Шмелевъ.

Я, сударыня, рѣзаться готовъ на бумагѣ съ кѣмъ угодно; но стрѣляться, слуга покорный! это не по моей части.

Болеславской.

Говорите же, сударь, прошу васъ.

Шмелевъ.

Ну, если пошло на правду, то я скажу все: эти стихи не принадлежатъ ни мнѣ, ни вамъ Г-нъ Людмиловъ: они написаны Болеславскимъ; а такъ какъ онъ убитъ....

Болеславской.

Онъ живъ, сударь.

Шмелевъ.

Не ужели! гдѣ же онъ?

Волгинъ, *показывая на Болеславскаго.*

А вотъ, батюшка, передъ вами.

Шмелевъ.

Какъ! что! (*Въ сторону*). Ну, въ какихъ же я дуракахъ!

Радугина.

Какъ, сударь! это вы? и подъ чужимъ именемъ?

Волгинъ.

За это, сестра, сердись на меня. Да дѣло не о томъ: ты соглашалась, чтобъ Софья вышла замужъ за того, кто написалъ эти стихи?

Софья.

Надѣюсь, сестрица, вы не будете противиться моему счастію.

Радугина.

Хорошо, сударыня, вы меня обманули, какъ пошлую дуру.

Волгинъ.

Какъ бы то ни было, а ты соглашалась; отъ этаго тебѣ не льзя отпереться: я самъ былъ свидѣтелемъ.

Радугина.

Дѣлать не чего, я подтверждаю свое согласіе, съ уговоромъ только, чтобъ Болеславской и для меня что нибудь сочинилъ.

Болеславской.

Все, что вамъ угодно. (*Софьѣ*). Наконецъ я могу назвать васъ своею!

Шмелевъ, *подходя къ Болеславскому.*

Не прикажете ли въ будущемъ номерѣ напечатать ваши стихи?

Волгинъ, *отводя въ сторону Шмелева.*

Совѣтовалъ бы вамъ, батюшка, отсюда скорѣе убраться: Болеславской человѣкъ горячій, а вы же хотѣли было перебить у него невѣсту

Шмелевъ.

Неужели?... о! если такъ... (*Хочетъ итти*).

Радугина.

Г. Шмелевъ!...

Шмелевъ.

Извините, я позабылъ: мнѣ надобно еще заняться корректурою завтрешней книжки. Слуга покорный!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже, *безъ* Шмелева.

Радугина.

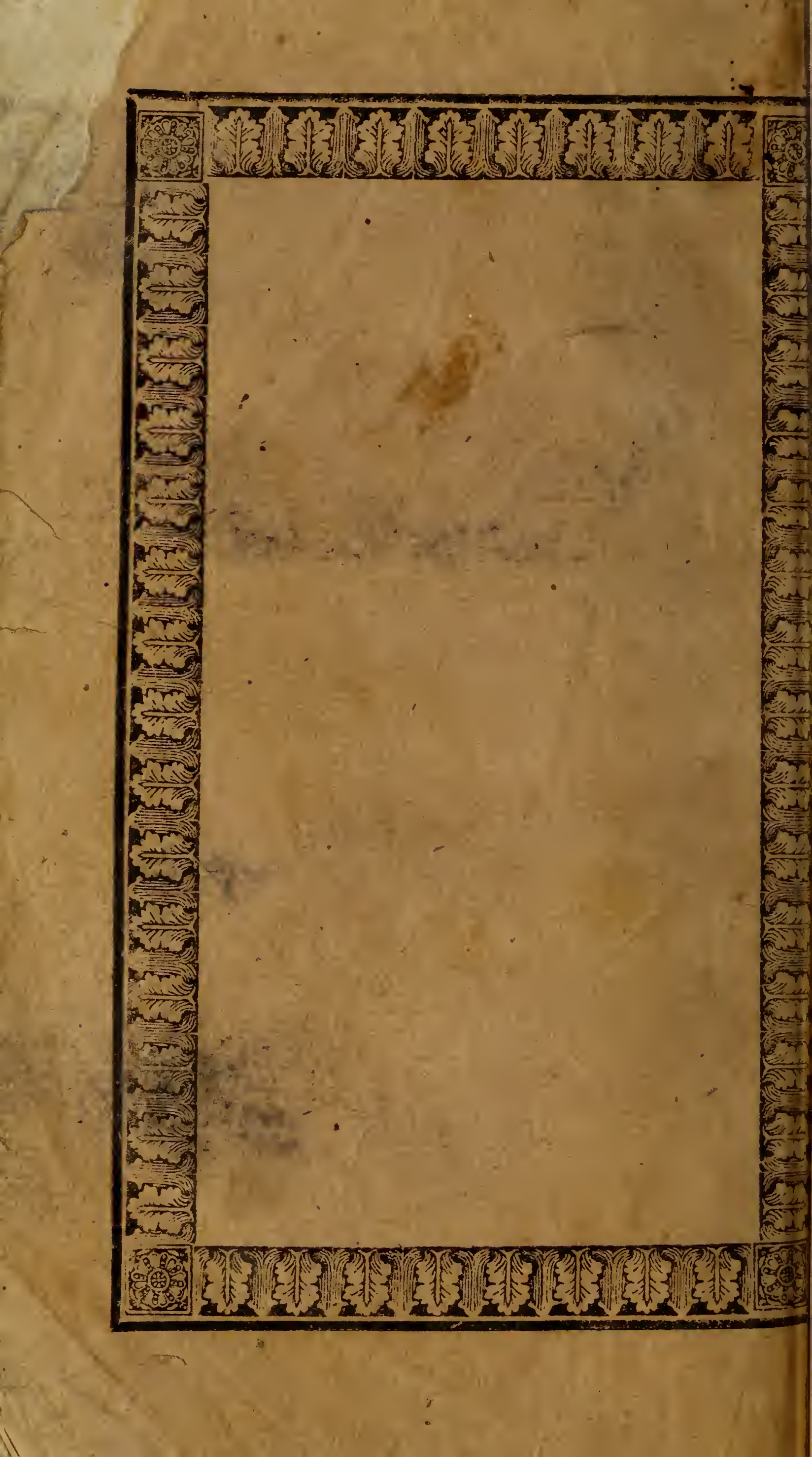
Надобно сказать правду, такого несчастнаго вечера у меня не бывало: не успѣла даже прочесть своего посланія къ Харитамъ!

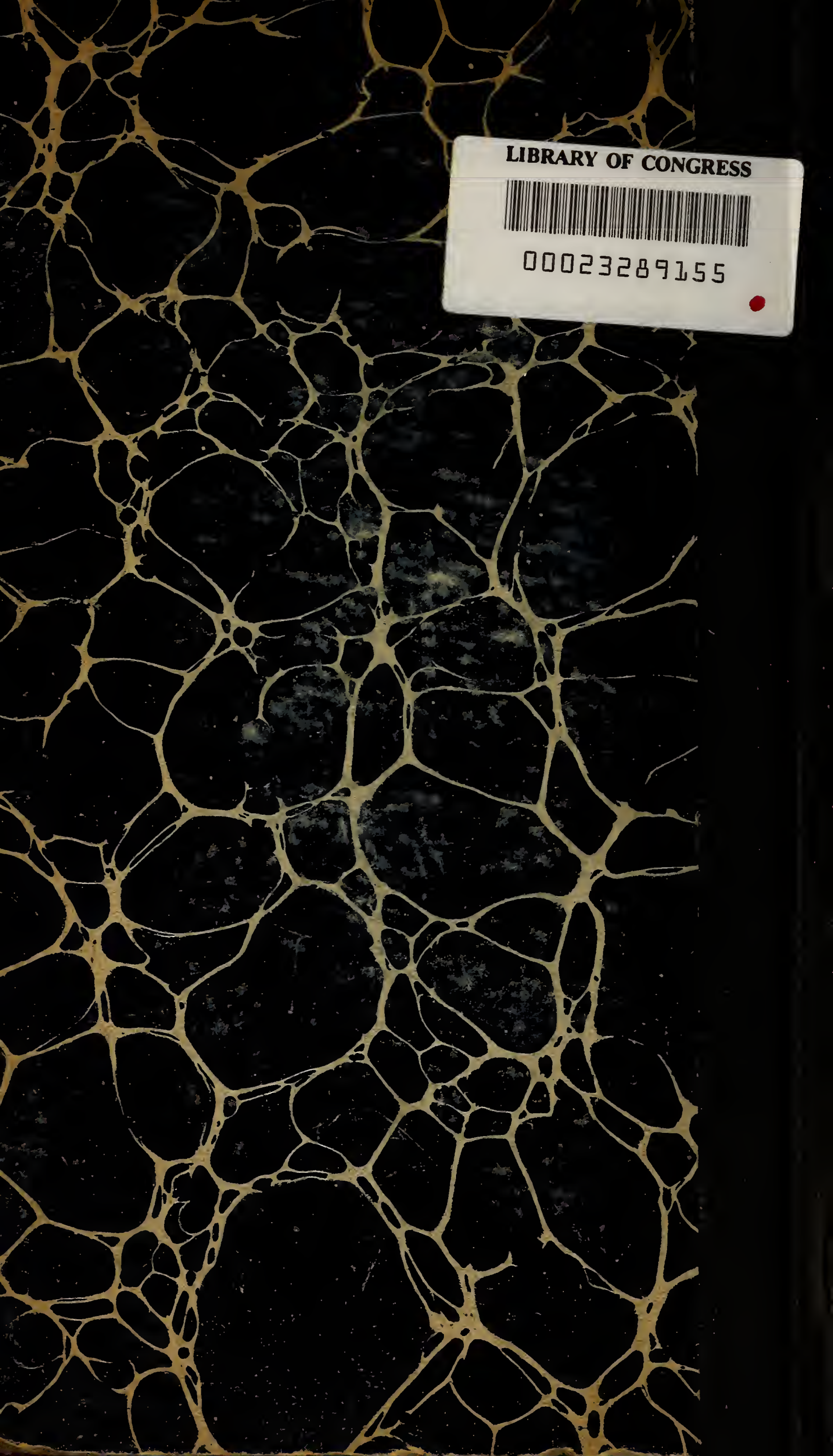
Волгинъ.

Ну, сестра, ты согласилась на желаніе Софьи, надобно и тебя потѣшить. Пойдемъ въ кабинетъ читать твое посланіе; а завтра по утру, какъ я хорошенько высплюсь, то такъ и быть, что со мною ни будетъ, читай мнѣ всѣ свои драмы одна за другою.

Конецъ.

LIBRARY OF CONGRESS
00023289155